

Евгений Сатановский

ЕСЛИ Б Я БЫЛ РУССКИЙ ЦАРЬ

СОВЕТЫ
ПРЕЗИДЕНТУ

Евгений Сатановский
Если б я был русский
царь. Советы Президенту
Серия «Передел мира: XXI век»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936975

Сатановский Е. Я. Если б я был русский царь. Советы Президенту: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56778-2

Аннотация

Это лишь малая часть наболевших вопросов, которые все чаще возникают в связи с приходом Владимира Путина к власти уже третий раз. Сейчас, как никогда, все хотят знать правду, пусть даже нелицеприятную.

Несмотря на то что Евгений Сатановский известен в России в первую очередь как президент Института Ближнего Востока, самые авторитетные СМИ охотно берут у него комментарии по любым политическим вопросам. Любое его высказывание всегда отличают независимость, нелицеприятность, точность и убийственная ирония. Нестандартный взгляд на события и персоны, способность глубоко анализировать факты и предпосылки позволяют ему мгновенно отвечать на любой каверзный вопрос.

Евгений Сатановский – один из самых востребованных экспертов, ученый с мировым именем. Автор книги «Россия – Ближний Восток. Котел с неприятностями». Частый гость и участник наиболее значимых международных форумов и конференций, посвященных мировой политике и экономике.

Содержание

От автора	4
Предисловие	7
Часть 1	16
Глава 1	17
Заметки на полях	20
Глава 2	22
Заметки на полях	28
Глава 3	29
Заметки на полях	34
Глава 4	36
Заметки на полях	38
Глава 5	42
Заметки на полях	50
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Евгений Сатановский

Если б я был русский царь. Советы Президенту

От автора

Что было – то и будет. Что делалось – то и делается. Вот придут некоторые и скажут: это новое. Но все это уже было в веках, бывших прежде нас.

Екклезиаст

Это книга не о том, почему и в чем именно Владимир Владимирович Путин, второй Президент, затем премьер-министр, а ныне – опять Президент России, четвертый по счету, хорош. У действующей российской власти и без автора достаточно сторонников, адвокатов и пропагандистов. Какая им цена и не больше ли от них вреда, чем пользы, – другой вопрос. Как демонстрирует мировая и отечественная история, в том числе самая недавняя, всевозможные охранительные братства, патриотические объединения, политические партии, молодежные организации и гопники-общественники обоего пола, готовые (бескорыстно, по велению души) «порвать за: Государя-Императора, Советскую власть, конкретного имярека... (нужное подчеркнуть)», в момент, когда они наконец-то могут выполнить предназначение, ради которого их, собственно, на протяжении долгих лет собирали, пестовали, финансировали и организовывали, растворяются в пространстве до полной прозрачности со скоростью, нарушающей все законы природы. Выполнение необременительной декоративно-успокаивающей роли, создающей у начальства ощущение, что у него в случае чего есть опора в массах, в то время как вместо масс присутствует массовка, создает у участников этого процесса не только чувство локтя, но и обратно пропорциональную реальности уверенность в светлом будущем и верности выбранного курса. Пожмем плечами. От Брехта до Макаревича в человеческой психологии и отношениях власти и общества мало что изменилось – да и с чего меняться? Что в Германии 30-х: «идут бараны в ряд, бьют в барабаны», что в родном Отечестве 80-х: «лишь в стаде баран доверяет судьбе», что во времена нынешние, куда более «вегетарианские»... Но оставим разговоры о грустном. Будут еще поводы. Отметим лишь, что на патриотически-охранительном поле, где не устояли перед соблазном поголовного дезертирства при первых признаках опасности ни «Союз Михаила-Архангела» с его «Черной сотней», ни Гитлерюгенд, ни даже КПСС с ВЛКСМ, перспективы «Наших» и «Молодой гвардии» могут вдохновить только людей крайне доверчивых и не обремененных исторической памятью. Исполать.

Это книга не о том, почему и в чем именно Владимир Путин, второй/четвертый российский Президент, плох. У ныне действующей российской власти достаточно критиков, противников и «заклятых друзей» и без автора. Чем они сами лучше и почему все то, что они обещают, будет ими выполнено, когда и если они станут властью или смогут опереться на «социально близких» во власти – опять-таки другой вопрос. Власть – любая, тем более верховная, имеет свои законы, и даже идеальнейшие из людей, заняв пост на верху государственной пирамиды, принимают решения, исходя именно из этих законов, а не из десяти заповедей или «норм человеческого общежития». Все почему-то всегда забывают старую вьетнамскую сказку, которая легла в основу пьесы великого Евгения Шварца и фильма не менее великого (о ныне живущих так говорить не принято, но тут уж как есть) Марка Заха-

рова. Убить или хотя бы пошпынять дракона рвутся многие, особенно если это в текущем режиме ничем не грозит. Все, кто откровенно или вскользь, нахраписто или «со стеснением» намекает на собственную готовность занять – исключительно демократическим путем и по воле народной, место правителя, с охотой рассказывают, почему именно они, любимые, для этого народа и этой страны лучше. Только придушить будущего дракона в себе никто из них никогда не был, не бывает и, позволим предположить, не будет готов. Автор вполне готов согласиться с теми, кто утверждает, что люди, которые сменят нынешнюю власть, к которой много вполне резонных претензий, будут чудесным образом безгрешны, поголовно некоррупционированы и все сплошь смиренны, аки библейские львы, лежащие рядом с агнцами. От своего вышеприведенного мнения о том, что хрен редьки не слаще, он даже готов отказаться, узрев предварительно список праведников – не обязательно всего правительства или, упаси Господи, парламента. Бог, как известно, троицу любит, так что достаточно хотя бы трех конкретных кандидатур, наделенных в равной мере достаточной святостью, мудростью и соответствующими способностями: президента, премьера и кого-нибудь третьего, в резерв, буде кто-то из первых двух «забуреет», проворуется или чрезмерно согрешит другим образом. Жаль, что никто пока такого списка даже в самом урезанном виде не предоставил – но будем ждать.

Вольно цитируя Сергея Лукьяненко: «Данный текст не имеет отношения к делу света. И к делу тьмы тоже не имеет». Вне зависимости от разборок по поводу того, кто чей Дозор. Где тут свет, где тьма – Бог весть. Чума на оба этих дома. Что власть с ее адептами, что критики и хулители этой власти неразличимы даже в мелочах столь часто, что становятся для непредвзятого наблюдателя сиаемскими близнецами. Не случайно в декабре 2011-го после парламентских выборов митинг на Болотной озвучил ироническое: «Я не голосовал за этих сволочей. Я голосовал за других сволочей. Требую пересчета». Автор честно признается: ему хотелось, во-первых, понять самому и, во-вторых, попытаться разобраться в происходящем в стране и государстве вместе с читателями, поскольку он в этой стране живет 52 года и в этом государстве, как бы оно ни называлось и кто бы во главе его не стоял, жить планирует еще долго и счастливо вместе с семьей, друзьями и коллегами, или, как говорили классики, «чадами и домочадцами». Родина, однако. Не идеальная, но уж какая есть. Бывают хуже. Бывают много хуже. Разберешься, что так, что не так, какие шестеренки, в каком направлении и с какой скоростью вертятся – глядишь, лучше станет. А не станет – значит, не судьба. Делай что должен и будь что будет.

Ни малейших претензий на то, что написанное – истина в какой угодно инстанции, у автора нет. Он не намерен подтасовывать факты, врать в чью-либо пользу или иным способом вводить читателя в заблуждение, хотя вполне может заблуждаться сам. Более того, представленный вниманию читателя текст не претендует на объективность. Он субъективен. Если автор кого-то из упоминаемых им персонажей полагает мерзавцем, аферистом, вором или дураком, то так и сообщит, мнение это по возможности обосновав. Или не обосновав, если это и так ясно. Если не полагает или полагает (см. выше), но неабсолютным – тоже сообщает. Политкорректные люди так не поступают, но автор непolitкорректен. Искусство плетения словесных кружев, которое у воспитанных людей вместо старинного честного слова «ханжество» по нынешней поре принято называть политической корректностью, ему чуждо. В конце концов, страна, где он родился, прочно усвоила из О’Генри, что «песок неважная замена овсу», даже если в США, где эти слова были написаны, о них напрочь позабыли.

Автор на личном опыте знаком с работой президента. Он сам на протяжении двух десятилетий выполнял и продолжает выполнять эту работу – ладно бы речь шла только о корпорации и институте, хотя и это можно принять в расчет. Но он на протяжении полного срока был – и при этом выжил, оставшись в здравом уме и твердой памяти, президентом Российского еврейского конгресса. Тем, кто считает, что быть президентом крупнейшей обще-

ственно-политической организации и благотворительного фонда евреев России на протяжении первого президентского срока Владимира Путина, приняв структуру из рук Владимира Гусинского и Леонида Невзлина, отношения которых со вторым президентом страны, мягко говоря, оставляли желать лучшего, намного легче, чем возглавлять эту страну, хотелось бы порекомендовать попробовать самому. Управление Россией, разумеется, мало кому по плечу. Но управлять евреями, даже столь цивилизованными и культурными, как российские, невозможно в принципе. Процесс этот больше всего напоминает игру на грани фола или, как говорили в свое время в городе Одесса, пожар в борделе во время наводнения.

Балансирование между взаимоисключающими требованиями, идеями и проектами множества людей и организаций, отношение которых друг к другу исчерпывается выражением «террариум единомышленников», не слишком облегчает то, что каждый из персонажей в глубине души полагает себя Эйнштейном, а всех прочих – слепоглухонемыми идиотами. При этом все без исключения организации живут в своем собственном бурном внутреннем мире, мало интересуясь остальным человечеством. Взамен еврейская общественная жизнь дает возможность ознакомиться с тонкостями внутренней и международной политики, включая происходящее в высших эшелонах власти. Завести опасных и влиятельных врагов. Периодически встречаться с королями, премьер-министрами и президентами. Контактировать с послами и генералами. Консультировать министров иностранных дел. Участвовать в закрытых заседаниях парламентов и комиссий по обороне и безопасности. Общаться со средствами массовой информации. Встречаться с лидерами делового мира, включая тех, кого именуют «олигархами». Знать, что происходит в мире религиозном, в том числе у высших иерархов. Дружить с великими учеными и писателями, артистами и режиссерами. Помогать множеству людей, в том числе не имеющих никакого отношения к евреям. На основании чего, собственно, и написана эта книга – со всей возможной скромностью, вежливостью и самоиронией, на которые автор только был способен.

Предисловие

*Если б я был русский царь... – Ну и? Ну я бы жил лучше, чем русский царь. – ??? Я бы был царь, но я б еще немножко шил.
Старая еврейская шутка*

Три вещи, которые знают все. Кто мешает плохому танцору? Каждый мнит себя стратегом. О тех, которые приходят. Перемена мест слагаемых. О тех, кто вовремя уходит. О тех, кто не уходит вовремя. Закон Шварценеггера – некоторые из них возвращаются. Элита и народ как единство противоположностей. Самодержавие как форма разгильдяйства.

Каждый нормальный человек твердо знает три вещи: как воспитывать детей, как правильно жить и как управлять государством. Он может быть старым холостяком или слепоглухонемым идиотом, которого в состоянии терпеть только родная мама, да и то с трудом. Принципиальным бездельником или фанатичным трудоголиком. Поборником трезвости или хроническим алкоголиком. Старой девой или, что далеко не одно и то же, закоренелой феминисткой. Вечно одиноким угрюмым сычом или душой компании, который замолкает, только когда спит – да и тогда храпит на весь дом. Занудой или всезнайкой, которого хочется придушить из жалости к нему самому и окружающим. Неважно, кто он. Эти три вещи знают все и всегда. В отношении детей иногда еще можно спорить, укоряя собеседника в том, что своих детей у него не было и нет или отношения с ними сложились как у кошки с собакой. Стиль жизни в принципе тоже обсуждаем. Что до управления государством – тут другое дело. Детей в мире полным-полно. Жизнь есть у каждого – пока не помер. Но государств мало, менее 200. Тех, кто ими управляет, конечно, больше, но не до бесконечности. Вероятность того, что ваш собеседник лично знаком хоть с кем-то, в реальности влекущим на горбу собственную страну, как правило, близка к нулю, что открывает широчайший простор для теорий, гениальных идей и словоблудия пикейных жилетов всех и всяческих мастей. Бриан, как мы помним из Ильфа и Петрова, был голова, которому палец в рот не клади. Далее частности. Деревенская завалинка в России или кафе в Алжире, политический салон в Европе или редакция газеты в Израиле, здание ООН в Соединенных Штатах или телецентр в Персидском заливе полны самоуверенных людей с дипломами или без оных, косноязычных или с хорошо подвешенными языками. Фамилии, названия стран и предпочтения в кулинарной сфере могут меняться. Апломб – никогда. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Впрочем, это еще не худший вариант. Некоторым, помимо трех базовых, дано, к сожалению для окружающих, четвертое знание: чего они добились бы, если б не... Варианты того, кто мешает страдальцам получить все то, чего они достойны больше, чем тот, кто всего этого (неважно, чего именно) добился, разные. Жена (вторая жена, бывшая жена, муж, отсутствие супруга). Дети (родители). Евреи (кавказцы, таджики, китайцы, киргизы, армяне, цыгане, поляки, мексиканцы, арабы, негры, белые, желтые – далее без конца). Эта сволочь начальник. Эти уроды, с которыми приходится работать. Враги. Бригадир (мастер, начальник цеха, комсорг, парторг, профорг, мэр, губернатор, председатель правления, президент банка). Инопланетяне. Судьба. Интриги завистников. Собственная принципиальность (порядочность, богобоязненность, скромность, честность, доброта). Государство. Обстоятельства. Плохая карма. Грехи предков. Русская мафия. Китайская мафия. Итальянская мафия. Американцы (демократы, республиканцы, Голливуд). Русские (КГБ, КПСС, КПРФ, «Единая Россия», «оранжевые»). Израиль (сионисты, постсионисты, реви-

зионисты, поселенцы, ЦАХАЛ, Моссад). Газета «Завтра» («Правда», «Гаарец», «Таймс», «Нью-Йорк таймс», «Спид-Инфо», «Жэньминь Жибао»). Этот проклятый Интернет. Всемирный заговор (уточнить, чей). Масоны. Жидомасоны. Террористы (исламисты, коммунисты, «либерасты»). Гайдар, Путин, Ельцин, Горбачев, Ксения Собчак. Буш (первый и второй), Клинтон (муж и жена), Обама, жена Обамы. Бог (дьявол, шайтан, зеленый змей). Мусульмане (христиане, хасиды, буддисты, атеисты). Чак Норрис (1-й канал, 2-й канал, ТНТ, «Дом 2»). Вещие сны. Сглаз. Зависть окружающих. Ксенофобы. Гомофобы. Юдофобы. Юдофилы. Дрозофилы. Любители домашних животных (или сами эти животные). Любители шуб из натурального меха. Борцы с шубами из натурального меха. Глобальное потепление. Коррупция (кумовство, воры, взяточники). Бездуховность (несправедливость, урбанизация, теократизация, вестернизация, Макдоналдс). Хобби. Хоббиты. Правые (левые, зеленые, лейбористы, либералы, консерваторы, христианские демократы). Феминистки (умники, блогеры, серая масса). Троцкисты, сталинисты, милитаристы. Гринпис, НАТО, Пентагон, ЦРУ. Предатели родины (неважно, какой именно). Пацифисты, интеллигенты, очкарики, сильно умные. Любовница мужа. Журналисты (яйцеголовые, политические бандерлоги, шакалящие у посольств). Солнечная активность. Москвичи (нью-йоркцы, питерские, парижане, кокни, одесситы, жители Рамат-Авива). Календарь мая с его концом света. Вашингтон, округ Колумбия. Киев, Тбилиси, Рига, Таллин. Фашисты (любой национальности и вероисповедания). Голубые. Безответственные элементы, агенты влияния. Соседи. Олигархи, бюрократы, чиновники. Красные (устар.). Белые (устар.). Желтая угроза. Озоновая дыра. Отсутствие мира во всем мире. Борьба за мир во всем мире. Идиоты (как явление в целом и персонально). Собственная национальность (национальность отца, матери, начальника). Меркель, Кобзон, Нетаньягу, Саркози. Имя (фамилия, отчество), данное при рождении. Дата рождения (знак Зодиака, звезда). Выпивка. Легкие наркотики. Тяжелые наркотики. Дурная компания. Широкая натура. Среда обитания. Школа. Приятели юности (теща, родня, родственники жены или мужа, собутыльники). Выбор бесконечен. Аргументы убойные. Потерянные перспективы грандиозны. Выси, куда могли бы воспарить, и горизонты, которых могли бы достичь, потрясают. При этом никто никогда не говорил, не говорит и не скажет: сам дурак, что с этим сделать. Или: большего не стою. Или: по Сеньке и шапка. Ни-ко-гда. С большой буквы «Н».

Значит ли это, что человек, который идет к власти или к ней пришел, всегда ее заслуживает? Ни в коем случае. Сплошь и рядом – это совершенно случайные люди, вынесенные наверх волею обстоятельств. Или серые мышки, которые выплыли наверх именно потому, что ни на первый, ни на второй взгляд не представляли ни для кого угрозы. Или потому, что сильные бойцы торпедировали друг друга на раннем этапе и до конца дистанции дошли лишь слабые. Или аутсайдеры, которых лидеры взяли во вторые номера потому, что могли их контролировать на все 100 % – как им казалось, когда они их туда брали, не предполагая, что те проскочат в номера первые в результате болезни или внезапной смерти лидеров. Иногда это молодые-зеленые, которыми можно манипулировать, опекая их «до поры», которая настанет всегда неожиданно и невовремя для опекуна. Иногда в качестве компромиссного варианта, старые или больные, одной ногой в могиле (куда сходят, пережив всех современников). Бедные, но честные – зато какая у них возможность развернуться потом! Или богатые, которым «больше не надо» – в соответствии с заблуждением, что такие люди на белом свете есть. Тихие, незаметные, демонстративно неамбициозные люди, которые поправят-поправят немножечко и уйдут в небытие, уступив место подлинным вождям и трибунам. Щас. Уйдут они. Ждите. Пример на примере. Лежат на поверхности, известны всем и каждому, но никого ничему не учат. Поскольку единственный урок истории тот, что из нее никто не извлекает никаких уроков. Хоть не учи ее совсем – все равно бесполезно. Уж не отсюда ли идеи,

которые легли в основу планов реформирования отечественного образования? Те самые, за которые все кому не лень столько лет ругают министра этого самого недобитого пока еще образования и несчастной науки Фурсенко, с улыбкой страстотерпца не обращающего на призывы педагогической и академической общественности ни малейшего внимания?

Причем все эти особенности свойственны не только отечественной политической системе. В Соединенных Штатах не случайно говорят, что качества, которые нужны, чтобы быть хорошим американским президентом, не совпадают, а иногда и прямо противоположны качествам, которые необходимы, чтобы *стать* американским президентом. Именно поэтому Руди Джулиани – единственный, кто, по глубокому убеждению автора, по-настоящему заслуживал кресла в Белом доме, на выборах, в итоге которых победил Барак Обама, не дошел даже до финала праймериз. Система себя бережет – любая система. Хоть административно-командная советская, хоть тоталитарная северокорейская, хоть демократическая западная. Сильных, умных и независимых она «отстреливает» по дороге к власти. Проскочить ее фильтры можно, только очень хорошо замаскировавшись. Иначе – как на помянутых последних выборах в главном столпе мировой демократии, где в финал, напомним, вышли необратимо контуженный дедушка-ветеран, стройный мулат-популист с хорошо подвешенным языком, агрессивная базарная хабалка-губернатор из глубокой провинции и утонченная злобно-старящая дама из высших эшелонов старой элиты с приклеенной к лицу фальшивой улыбкой. Политически корректно до предела: все возрастные и этнические категории, оба пола – чего вам еще надо, поганцы? Что называется, делайте ставки, леди и джентльмены. Впрочем, будем справедливы: германских и австрийских канцлеров, французских и аргентинских президентов, итальянских и британских премьеров это тоже касается: политический планктон проскочит там, где крупная рыба сдохнет от недостатка кислорода, а мелкая передавит друг друга. Исключения, вроде Вацлава Гавела, встречаются, но быстро уходят или приводятся к общему знаменателю. Не зря в Израиле, с древности прославленном скептическим отношением населения к власти, будь это хоть пророк Моисей, хоть цари из дома Давидова, хоть нынешние – прямо скажем, не цари и не пророки, говорят, что приличный человек или человек состоявшийся в политику не пойдет: что ему, делать больше нечего?

Как следствие, высшие посты сплошь и рядом занимают люди беспринципные и хитрые, авантюристы и честолюбцы, готовые обещать кому угодно что угодно ради удовлетворения амбиций и получения доступа к ресурсам. Тем более они готовы пойти на все, чтобы у власти удержаться, – в Африке, Азии и на Ближнем Востоке мы видим, какую цену за это платит население. Далее возможны варианты, в зависимости от того, какая именно власть «на дворе». Сейчас все больше в моде демократия, точнее, в большинстве случаев имитационная демократия, в рамках которой могут быть реализованы любые системы, от трайбализма или ортодоксальной теократии до военной хунты и наследственной монархии. Согласно Бродскому, «ворюга нам милей, чем кровопийца». Где-где, но в России с этим после ГУЛАГа и всех прелестей Гражданской войны, раскулачивания, борьбы со всевозможными уклонами и терроров – больших и малых, можно без колебаний согласиться. Да и не только в России. На что уж редким мерзавцем и предателем был князь Талейран, принципиальная беспринципность которого стала притчей во языцех, породив понятие «толерантности», но и современникам, и потомкам он казался лучше Робеспьера с его фанатиками-якобинцами и любимой гильотиной. Вообще-то говоря, беспристрастная попытка проанализировать, что именно на самом деле представляет собой демократия, как система управления, вместо каковой, как правило, всех отсылают к известной максиме Уинстона Черчилля, согласно которой демократия «плоха, но ничего лучшего человечество за всю свою историю не придумало», не дает оснований для большого оптимизма. Можно привести массу примеров, почему ответственная конституционная монархия лучше или по крайней мере не хуже демократии. Можно не приводить. Для Запада цитата из Черчилля по сию пору – как Ленин в Советском Союзе:

вырвать из контекста, произнести с придыханием и слепо следовать указанным путем, отлучая скептиков и затаптывая по дороге диссидентов. Бедный сэр Уинстон – бабник, тяжелый курильщик, выпивоха и аристократ, который напоминал кого угодно, кроме современных евродемократов! Знал бы он, до чего его слова затааскают духовные и политические наследники люто ненавидимых им при жизни «овец в овечьих шкурах»...

Как ни парадоксально, но приход во власть всех этих случайных тихонь, великих комбинаторов или продуктов политехнологов и политических технологий вовсе не обязательно к худу. Вчерашний ноль без палочки вполне может оказаться если и не государственным мужем, то его приемлемой заменой. Был артиллерийский поручик с провинциальной Корсики – стал Император Франции Наполеон Бонапарт. Сын бутлегера, разгильдяй и плеябой Джон Кеннеди и голливудский ковбой Рональд Рейган превратились в президентов США, кумиров и символов эпохи. Нахальный юноша, не признающий авторитетов, сорвиголова и бабник У.Черчилль и не по чину смелая дочка лавочника Маргарет Тэтчер – величайшие в современной истории премьеры Великобритании. Точно так же лидер нации при ближайшем рассмотрении может превратиться в ничто. Что там сказано у классиков про то, что короля играет свита? А также про голого короля? Играет, играет. Как иначе отличить большого начальника от начальника среднего или малого ранга? Перьев на шляпах и корон теперь не носят. Бриллианты – аксессуары мафии и звезд шоу-бизнеса. Галуны и позументы украшают швейцаров и тамбур-мажоров. Но президент он, премьер-министр или император, для его проезда будут перекрывать дороги, да и передвигаться он будет с кортежем – на колеснице, в карете или в лимузине, в соответствии с эпохой – не столь важно. И сопровождать его будут вне зависимости от его собственного желания. Не случайно, чтобы пройти по Багдаду в одиночку Гарун-аль-Рашид выбирал ночное время и ходил в простом плаще. Впрочем, разве еще недавно веселый и храбрый иорданский король Хусейн не ездил по своему Амману в качестве таксиста, расспрашивая пассажиров об их жизни и интересуясь, что они думают о короле? Тот, кто наверху, всегда одинок. Ему мало кто говорит правду, даже если он хочет ее знать, а многие ли этого хотят? Да и про то, что король голый, никто не скажет ему вслух, пока он король. Разве что иностранные журналисты. Или совсем невинное дитя озабочится просвещением общественности. Интересно, запретят ли в братской Белоруссии сказку Андерсена после новогоднего визита Лукашенко в местный детский дом, где девочка напрямую спросила «батьку» в ответ на дурацкий вопрос: а не дурак ли он? То-то будет смеху...

История всегда имеет право выбора, но выбор этот часто дело случая. При всей той роли, которая имеет личность в истории, что изменилось бы для Рима, по большому счету, если бы место Цезаря занял Помпей или Катилина? Для Франции, если бы функции Робеспьера были переданы Марату? Для России, замени Ленина Свердлов или Троцкий, а Сталина Дзержинский или Киров? Скажем, не претендуя на место при дворе в нашем собственном, невесть каком по счету Риме, кошунственное: что изменилось бы для жителей сегодняшней России, если бы ее возглавил не Путин, а Ходорковский? Ну, для тех, кто на самом верху, – понятно: президент, затем премьер, а потом снова президент – Михаил Борисович. Глава администрации и его правая рука, затем президент, а потом премьер – Леонид Невзлин. На внутренней политике, осмелимся предположить, все тот же Владислав Сурков. Некоторые изменения по высшему и среднему кадровому составу. Часть лиц, ныне пребывающих в добровольном или вынужденном изгнании – «в шоколаде». Другие не в чинах, а в бегах, узилище или истории неизвестны. Некоторые – безвременно в мире ином. Прочее население на своем месте, где бы оно ни находилось. Включая правозащитников и весь состав адвокатуры. То есть те же тестикулы – вид сбоку. Что вовсе не означает отсутствия сочувствия бедственному положению, в котором оказался бывший миллиардер, волею судеб и своих амбиций попавший в края не столь отдаленные. Тем более что оттуда, надо полагать, он сможет выйти

не так скоро, как мог бы на то рассчитывать: активная борьба оставшихся на свободе соратников за его освобождение укрепляет желание тех, кто его туда поместил, удерживать его в этих краях сверх всяких норм и приличий. Что позволяет соратникам продолжать бороться за свободу МБХ за его же собственный счет, поскольку средства, которыми они в отсутствие главного владельца распоряжаются, ни в каком другом случае, кроме нынешнего, к ним в руки никогда бы не попали.

Возвращаясь к основной теме нашего рассказа, констатируем, что овладение верховной властью есть промысел Божий. Он же – воля бессмертных Богов. Он же – Рок, Судьба, Мойры или, ежели угодно, Фатум. Короче – как карты лягут. Это теперь все знают Ленина, Троцкого, Сталина, Гитлера. Но когда и если бы не то, что в январе, но даже в сентябре 1917-го тогдашних политологов из числа мировых величин спросили, кто такие Владимир Ульянов или Лев Бронштейн, не говоря уже об Иосифе Джугашвили, многие бы ответили на этот вопрос? Кто в Германии тех времен знал об австрийце Шикльгрубере? В Китае о Мао? А ведь это крупнейшие политические фигуры XX века, великие диктаторы и революционеры, во многом определившие пути развития человечества, которыми оно следует и по сей день! Что говорить о фигурах менее значимых? Любая пешка может стать ферзем. Как и ферзь может превратиться в беглеца, заключенного или растерзанный толпою труп. Когда и если судьбы Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов для читателя примеры давние и оттого неубедительны, есть недавние жертвы «цветных революций», да и память об «арабской весне» куда как свежа. Мятежи, бунты, перевороты и гражданские войны, по недоразумению принятые в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Брюсселе за расцвет демократии, в честь чего все это безобразие с бесхитростностью, доходящей до идиотизма, и было названо «арабской весной», как и было предсказано скептиками, к числу которых автор относился с самого начала, привели к власти радикальных исламистов, которых отечественный юмор 90-х нарек «бородатыми зайцами». Дело житейское. Местные вожди народа и светочи нации на своем примере продемонстрировали, до чего может дойти ситуация, когда в стране не работает механизм смены верховной власти. В Тунисе президент бежал и заочно осужден на длительный срок с конфискацией. В Египте президент ушел в отставку добровольно, но в стране остался – был арестован и отдан под суд, демонстративно несправедливый. В Ливии лидер до самого конца отбивался от мятежников и блока НАТО, но в конечном счете был затравлен и растерзан вооруженной толпой. В Йемене президент чудом остался жив после покушения и, в конечном счете, отстранен от власти. В Сирии над этим на момент написания данной книги еще работали. Сегодня всем желающим понять хоть что-нибудь ясно, что после всех них жизнь в странах, которыми они так долго управляли, будет только хуже. Но, правя по 20–30 – 40 лет, они спровоцировали развитие ситуации в точном соответствии с поговоркой «нэхай гирше – абы иньше». Арабская практика совпала с украинской теорией, еще раз подтвердив, что народ сер, но мудр. Распад социалистической системы в 90-х, «цветные революции» и насильственные «демократизации» 2000-х снесли не один режим, и судя по тому, что происходит на планете, «мира во всем мире» можно ждать до второго пришествия или, коли есть охота – до морковкина заговения, как говорили в годы детства автора его близкие родственники.

Для современного правителя не так важно, как именно он взобрался на вершину властной пирамиды, – ну, в конце концов, пришел человек к власти и пришел, как то, как именно он будет уходить. Собственно, главное в большой политике – вовремя и с минимальными потерями уйти. Это хорошо знают профессионалы, занимающиеся спортом и бизнесом. Ушел на пике славы – остались добрая память, деньги и здоровье. Пропустил свой срок – не будет ни того, ни другого, ни третьего. Политика, однако, сильно отличается от бизнеса и спорта. Спортсмену проще: если внутренний голос не говорит ему, что пора переходить на тренерскую работу, – это делают соперники. Правда, уйти можно не так, чтобы совсем

уж в правильный момент, но и почти вовремя. В спортсмене еще не успели разочароваться, он принимает благородный вид и произносит правильные слова про то, что нужно уступать дорогу молодым. После чего занимается своим рестораном, улыбается в рекламе спортивных товаров и играет в гольф. Его все помнят, надрываться больше не надо, и он счастлив.

Предпринимателю сложнее – сегодня акции растут, а завтра рынок рушится. Приходит кризис: дома не продаются, в рестораны не ходят, автомобили никому не нужны и банкротство на пороге. Парламент голосует за сокращение военных расходов – верфи опустели, танки не строят, самолеты никто не заказывает. Прогресс наступает на пятки: ты по-прежнему делаешь лучшие в мире пейджеры, а покупатель требует айфон или айпад. Инстинкт говорит: продай бизнес, а что говорят партнеры? Что делать с офисом? Как расстаться с секретаршей? На Новой Гвинее десять тысяч лет назад делали лучшие в мире каменные топоры. Их делают там до сих пор, но рынок сузился до пределов самого острова, и то не всего, поскольку автомат Калашникова – он и у папуасов автомат Калашникова. Лучший в мире аргумент в дружеской дискуссии. Поэтому умный бизнесмен вовремя уходит «в кэш» и произносит то же, что спортсмен. После чего ходит в его ресторан, смотрит рекламу и играет в гольф. Его все забыли, с налоговым инспектором можно вести разговор о погоде, и он счастлив.

Политику оставить вовремя практически невозможно. То есть теоретически понятно: караул устал, которые тут временные – на выход, король умер – да здравствует король, народ имеет право... И вот ты Керенский, Лумумба или Че. Кому как повезло. Но искушение остаться страшное. Уйти – куда? И часто – как? Именно поэтому демократия, как многократно сказано и никем по-настоящему не осознано, не в том хороша, что приводит к власти лучших. Один человек – один голос. То есть один гений и десять тысяч идиотов – это десять тысяч плюс один избиратель. И голосует он черт знает за кого. Но главное, если не единственное достижение демократии, что у того, который наверху, есть дверь на выход. Он не обязан уходить вперед ногами. Сидеть в тюрьме. Бежать из столицы. Ждать революции. Быть рабом своих рабов (поклон Стругацким за цитату). В чем, собственно, и состоит вся разница между Большим белым (устар.) вождем в Белом доме, Вашингтон, округ Колумбия, и президентом Анчурии. У того, который в Вашингтоне, есть срок, по истечении которого, оставив пост, он может писать мемуары, ни за что не отвечать и быть счастливым.

Но это – если на политика не вешают собак. Не ищут виноватых. Не охотятся за скальпом. Если каждый следующий понимает, что он не лучше всех предыдущих и что когда-нибудь он тоже будет бывшим. Что трудно, а в отсутствие традиции часто невозможно. Не случайно за тысячу лет отечественной истории Хрущев был первым, кого свергли, но не уничтожили. Горбачев – первым, кого свергли, но не ограничили в передвижении. Ельцин – первым, кто ушел сам. Ну, а Путин – первым, кто оставил президентский пост в расцвете сил – на пике. Остался на вершине власти – разумеется. Вернулся? Были в истории прецеденты. Де Голль, Черчилль, Бен-Гурион, Путин пришел назад – стал четвертым. Закон Арнольда Шварценеггера. В конце концов, в каждом, у кого хватает азарта и дерзости, силы воли и удачливости для того, чтобы стать лидером страны, вне зависимости от его физического возраста, где-то внутри живет подросток, которому чертовски хочется сказать: «I'll be back». Но прецедент ухода с высшего поста в срок, предусмотренный законом, Конституцией и прочими еще совсем недавно необязательными для российской практики бытовыми деталями, зафиксирован. Что есть колоссальный прогресс для евразийской империи, высшими демократическими достижениями которой за тысячу лет было вече новгородское, боярская дума и Съезд народных депутатов.

Что до того, насколько это отвечает чаяниям народным, – не надо лохматить бабушку и заниматься самообманом. Ни насколько. То есть совсем ни на грош. У них принципиально разные задачи. Задача государственной элиты – удержаться у власти. Всегда и везде.

В любые времена и в любой стране. В задачах населения можно выделить три основные группы: минимум, оптимум и максимум. Минимум – уцелеть вне зависимости от того, в какие передрыгаи втянет страну ее элита. Оптимум – обеспечить нормальную жизнь себе и детям. Максимум – ограничить аппетиты и неизбежное самодурство помянутой элиты до уровня, при котором у населения головной боли будет меньше, а материальных благ больше. Инструменты для того, чтобы как-то сбалансировать эти устремления, существуют разные. На первом этапе развития человеческого общества царь есмь бог, и ему можно все, включая персональный храм имени его. То есть культ личности как норма жизни. Но если он не обеспечил урожай или попросту наступило его время согласно календарю – заклятие на алтаре. Позже верховная власть осуществляется исключительно от имени народа и во имя народа, что с некоторыми поправками на стиль дожило до наших дней. Изначально – во имя сената и народа Рима и «Аве Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя». Но если что – Тиберия в Тибр. Толпа переменчива, а преторианцы, приглядевшись к цезарям поближе, начинают брать власть под себя – чем они сами хуже Калигулы или Нерона? Латиноамериканские хунты, африканских, арабских и дальневосточных генералов – президентов и премьеров, российских генерал-губернаторов не XX век придумал. Да и Европа с США прошли этот период, демократия не ограничивает право генерала на высший пост. Наконец, Государь – помазанник Божий. Да здравствует Император! Ваша профессия? Хозяин Земли Русской. В итоге Карл Стюарт на эшафоте, Людовик Бурбон казнен, Николай Романов расстрелян благодарным народом. Спасибо за доверие.

Элита и народ по определению недовольны друг другом, что есть не исключение, а правило, столь же очевидное, как то, что солнце ежедневно встает на востоке, а уходит на запад – хоть кол на голове теши, ему-то что? Вследствие этого взаимного недовольства народ периодически полосуют шпиритутенами или пулеметами, а элиту столь же периодически рвут на части. Когда после Берлинского восстания 50-х тогдашнее немецкое партийное начальство по неискоренимому идиотизму своему пожаловалось ироничному и не боявшемуся фюрера со всем его Третьим рейхом Бертольду Брехту: «Народ не оправдал доверия правительства», ответ классика был логичен и прост: «Почему бы тогда правительству не подыскать себе другой народ». Народ – увы, без исключений, вне зависимости от этнической принадлежности и места проживания: пьет, бездельничает, многого хочет, нетерпелив, жесток, ленив, черт знает чем занимается и не склонен понимать великих устремлений начальства, полагая их барской дурью. Начальство – везде и всегда: все гребет под себя, ни с кем не делится, бездельничает, ворует и на все имеющиеся у него хлебные места ставит блатных – преимущественно из числа однокашников и собственных родственников, включая ближайших. Как следствие, детей элита от будущей пугачевщины, а народ от будущего ГУЛАГа уберегают за границей, где они иногда встречаются и даже женятся, обеспечивая единство народа и его вождей.

Повторим, ибо повторение, как вбили в автора с детства, мать учения, хотя и враг творчества: республиканский строй во всем этом не лучше и не хуже монархии, хотя для широкой массы выглядит более привлекательным. Вне зависимости от того, правит на самом деле олигархия, аристократия, бюрократия или охлократия, которая неизбежно превращает вчерашнее быдло в олигархов, аристократов или бюрократов, создавая очередную командно-административную систему. Баранам приятнее осознавать, что их стригут с уважением к их осознанному выбору, на шашлык они идут добровольно и с чувством глубокого патриотизма, пастуха выбирают себе сами, а его овчарки представляют лучшую и достойнейшую часть общенационального стада. Как там рифмовал «Квартет И»? Выборы, выборы, кандидаты... Поэтому да здравствует парламент, хотя он и «не место для дискуссий». А также Великий Хурал, Верховный Совет, Всекаитайское собрание, Сенат, Лойя Джирга, Кнессет, Палата Общин, Джамахирия и Конгресс.

Увы, но организация, которую французы, наевшись улиток и лягушек, запив их анжуйским, бургундским и бордо и не подозревая о грядущем рождении в далекой заснеженной России Бориса Грызлова, для которого их «говорильня» окажется «не местом для...», в свое время назвали так, как называли, требует какого ни на есть порядка формирования. Поэтому парламент и партия – близнецы-братья. Или сестры. Называть конкурирующие группы, которые формируют национальный орган народного представительства, «гопами» – некрасиво. Мафиями или кланами – немногим лучше. Можно, как это сделано недавно и в России, использовать слово «фронт», но это все же что-то революционное. Навевает воспоминания об эсках, карбонариях и баррикадах. Партия привычнее, причем далеко не только в нашей стране, где она десятилетиями была одна, как солнце в небе, хотя, как говаривали в ЦК КПСС на Старой площади: «Система у нас однопартийная, но многоподъездная». Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи. Партия – наш рулевой. Сегодня уже даже и не важно, какая именно. Республиканская или Демократическая. Виги, Тори или Лейбористы. Ликуд или Авода. ЛДПР или КПСС. Национал-социалистическая или Справедливости и свободы. Партия легких наркотиков или Любителей пива. Слон против Осла. Тупоконечники против остроконечников (особое спасибо Джонатану Свифту).

Недовольство населения любой страны своими политиками и парламентариями – вещь бессмысленная и деструктивная. Политики и парламентарии – это в конечном счете нормальные люди, которые не смогли, не захотели или расхотели реализовывать себя в профессиональной сфере и приносить населению видимую пользу. Сферой этой могли бы быть бизнес, наука, образование или медицина. Искусство или ремесло. Разведение овец или металлургия. Копчение колбас или ловля шпрот. Пивоварение или подметание улиц. Уинстон Черчилль не зря называл политику грязным занятием для пожилых мужчин: он знал, что говорил, проведя в стенах британского парламента большую часть жизни. Тот, кто умеет строить – все равно что: линкор, научную школу, свиноферму или дом, – партийной работой не занимается. Разумеется, есть исключения. Когда политиков в обществе так много, что во всех прочих сферах наступает дефицит, в том числе денег, то и приличные люди с боем прорываются к кормушке. Некоторые из прорвавшихся даже остаются приличными людьми – хотя это уже совсем экзотика. Россия не является исключением из правил. Напротив, поскольку публичная политика в нашей стране вещь сравнительно недавняя, число идеалистов всех мастей в отечественных коридорах власти не так мало, и при нужде их можно отыскать. Кто ищет – тот обрящет. Хотя не всегда именно то, что ищет.

Бессмысленно обвинять первое лицо страны в вождизме и ждать чего-то иного от того, кто его сменит. Превращение высших государственных постов в прокрустово ложе для тех, кто их занимает, – вопрос эволюции системы. Человек по природе существо общественное, вне зависимости от того, сбивается ли он в стаю или стадо. Партии, обществу, государству, стране нужен лидер. Не хотите царя, короля, императора – будет фюрер. Первый из равных. Генеральный секретарь. Премьер-министр. Президент. Избранный народом и переизбираемый им же. Слуга народа. Голос народа. Надежда и опора. Заступник и совесть нации. Он знает, куда ее вести. Он суров, но скромен. Тверд, но совестлив. Немногословен, но харизматичен. Сметлив, но честен. Справедлив и милосерден. Любит детей и животных. Полон жизненных сил, но привержен семейным ценностям. Или не привержен – в зависимости от эпохи. Муссолини, Гитлер, Сталин, Мао. Перон, Пилсудский, Черчилль, де Голль. Насер, Асад, Каддафи, Саддам. Бен-Гурион, Ганди, Тито, Ким Ир Сен. Перечислять их можно бесконечно, и наследие этих людей, как правило, переживает их самих, хотя совсем не в том состоянии, как им бы этого хотелось. Кто остается в истории со знаком «плюс», кто – «минус». Кто в качестве тирана, кто героем. Что есть, опять-таки, вопрос предпочтений и точек зрения.

В России прошли очередные парламентские выборы и вместо конца света, который в который раз предсказывают любители нумерологии, в 2012 г. прошли выборы президента, как в США, Франции и ряде других стран, что само по себе уже неплохо. Особых вопросов не было. Ясно было, что четыре партии в парламент попадут – они туда попали. Не менее ясно было, что Владимир Путин будет избран президентом, а Дмитрий Медведев назначен премьером – по крайней мере, на обозримую перспективу. Что раздражает всех, кто полагает, что в выборах должна присутствовать какая-нибудь интрига и конкурентная борьба полезней для страны, чем безальтернативное соревнование явного лидера с аутсайдерами. При всем том начавшиеся в декабре 2011 г. митинги, на которых население высказало изумленной власти все, что о ней на самом деле думало, повернули российскую политику на европейские рельсы. Они, впервые за долгие годы, прошли образцово-показательно с точки зрения демократии современного типа. В том числе в части того, как вели себя во время этих мероприятий представители силовых ведомств. Разумеется, население теоретически склонно устраивать себе и власти неприятные сюрпризы, голосуя не за любимого вождя, а за аутсайдера, который, придя к власти, способен так завернуть гайки, что и самый надоевший режим покажется «добрыми старыми временами»: Лукашенко в сопредельной Белоруссии тому пример. Но в целом все нормально, ситуация штатная. «Партия власти» успешно справилась с задачей самой себя высечь, попутно снизив рейтинг руководству страны. Правящий тандем произнес все присущие случаю правильные речи, воплощение даже части которых на практике могло бы превратить Россию в идеал государственности. Партии – конкуренты «Единой России» из лагеря оппозиции приросли протестным голосованием. Чиновники вступили в очередное сражение за места, как бились и бьются во все эпохи во всех странах. Аппарат плетет византийские интриги. Борьба с коррупцией дошла до стадии, когда и те, кто ранее не воровал, тащат все что могут – тоже не новость. Реформа МВД завершена: милиция переименована в полицию, в очередной раз получила в связи с этим массу обидных прозвищ, но в глазах населения все еще мало чем отличается от бандитов. В стране есть проблемы с дорогами, но нет проблем с дураками. «Самодержавие, потому что все само собой держится». Чистый Салтыков-Щедрин.

Часть 1

Государство

Каждый сам хочет снять кожуру со своего банана.
Принцип Янга

Первое лицо. Правительство и администрация. Партии и парламент. Столицы и регионы. Силовики и бизнес. Интеллигенция и Церковь. Что у нас за система, на чем она стоит и куда движется. Реформы и вертикаль власти. Демократия и коррупция. Кто тут хвост и кем он вертит? Харизма власти и ее отсутствие. Команда и жены. Кадры решают все.

Глава 1

По какой системе устроена система

Мы все, живущие на этой планете, разные. Не в том смысле, что у нас разные гены. Разные они по определению, и даже соотношение генов, доставшихся нам от разных первобытных предков: кроманьонцев, неандертальцев, андроньевцев, не исключено – «хоббитов» с острова Флорес, разное, но общее потомство мы все дать можем. Хоть бушмены с шотландцами, хоть папуасы с сибиряками. Примеров тому несть числа. Чистокровные народы и расы – нонсенс и чепуха. Все без исключения с кем-нибудь смешивались бесконечное количество раз. Кого догнал, на том женился. Большой привет Чемберлену, Гитлеру и прочим блюстителям расовой стерильности от современной генетики. Но не об этом речь. На свете около семи с половиной тысяч языков, не считая диалектов. Огромное количество культур. Немалое, хотя и обозримое, – цивилизаций. Сравнительно немного государств – менее двух сотен. И уж совсем немного систем правления. Но все имеют разную историю. Некоторые – общую на каких-то этапах, после которых они разошлись – на время или навсегда. Другие «встретились» сравнительно недавно. У каждой страны и каждого государства (что далеко не одно и то же) свой исторический путь. Но каждый народ уверен, что его собственный путь – лучший из возможных. Народ этот может быть завоеван или ассимилирован. Может покорить других и ассимилировать их. Или покорить и быть ассимилированным теми, кого завоевал, – есть прецеденты. Перейти на другой язык и принять другую культуру, обычаи, религию – в том числе добровольно. Культурная, религиозная или политическая конвергенция отнюдь не обязательно является следствием войны. В конечном счете всегда в итоге встречи чего-то разного образуется новое, смешанное, опирающееся на корни, восходящее ко всем тем, кто это новое породил. Именно в этом бесконечном, не имеющем временных рамок и границ разнообразии залог выживания человечества как вида. Причем к системам государственного устройства это относится в полной мере. Бессмысленно требовать от страны – любой страны, чтобы она копировала чужую систему, как бы хороша она ни была. Что говорили древние евреи о том, чтобы не наливать новое вино в старые мехи? Хотя кто это помнит и кого чему библейские мудрости научили...

В любом случае бессмысленно, живя в Москве, полагать, что в России можно со стопроцентной точностью скопировать опыт государственного устройства Франции, Сингапура или США. Можно назвать государственные и муниципальные должности теми же словами, что на Западе: президент, премьер-министр, мэр. Хоть канцлер или великий кормчий, не в том суть. Основа государственной системы остается собой, вне зависимости от того, подо что именно страна мимикрирует на современном этапе ее развития. Именно поэтому, вне зависимости от того, называется ли высшее должностное лицо в России президентом, генеральным секретарем или государем императором, оно имеет все функции, полноту власти, бонусы, проблемы и замашки главы империи. То есть с поправкой на моду и технологический прогресс выглядит как император, ведет себя как император, воспринимается населением и соседями как император – и по сути своей этим императором и является. Или не является, поскольку этому статусу, с точки зрения окружающих, не соответствует. После чего, в зависимости от эпохи и состояния нравов, получает табакеркой в висок, идет на расстрел вместе «со всей семьей», отправляется на дачу под домашний арест, уходит в отставку рекламировать пиццу или иным способом сдает державу, скипетр и ядерный чемоданчик, освобождая трон и кресло верховного главнокомандующего. Совершенно неважно, воображает этот «лузер» себя мальтийским рыцарем или борцом за права «братьев-славян», внедряет кукурузу в Заполярье или сухой закон, отменяет часовые пояса или закон всемирного тяготения. Баловство, неприличное с виду и вредное как для страны, так и для буду-

щего носителя верховной власти и его ближайшего окружения, не прокатывает в любую историческую эпоху. Статус гиперактивного чудака убийственен для верховного правителя. Уж если сел на трон, совершенно неважно, случайно или по заслугам, так делом надо заниматься. Быть отцом народа, а не строить из себя невесту что, хоть с твиттером и фейсбуком, хоть без них. Продвинутых пользователей в стране пруд пруди, а президент один, и требования к нему совсем другие, чем до того момента, как он им стал. Публичность первого лица играет здесь дурную роль: не зря столь часто великие, по мнению потомков, правители – это тираны, не подлежащие обсуждению при жизни, а иногда и после. Делать и говорить глупости – нормальное свойство человеческой натуры, но что прощается быку, того не простят Юпитеру. Увы.

Россия как империя и президент как император замечательно объясняют интригу рокировки со сменой власти, которая изрядно изумила страну осенью 2011 года. Выбор младшего соправителя как наследника – когда и если он с этой ролью справится – нормальный ход в условиях отсутствия династической преемственности, ничем особенным не отличающий Владимира Путина от Октавиана Августа. Ну, а не справится – пусть не обессудит. Впрочем, в современных отечественных реалиях и обижаться не на что. Один срок правления третьим президентом полностью выбран, а отказ идти на второй, поставивший в тупик даже самых доверенных лиц из ближнего круга и с редкостной бесхитростью объясненный «мы так с самого начала договорились», – вещь добровольная. Количество тестостерона, необходимое для того, чтобы рисковать стать первым без поддержки привычного патрона, сильно отличается от того, которое необходимо для действий под его прикрытием, особенно если под этим прикрытием прошла большая часть жизни и карьеры. Потом можно сколько угодно рассказывать стране, семье и друзьям о причинах судьбоносного решения – ты был соправителем, роль сыграна, спектакль ушел на новый круг. Империя диктует свои законы смены власти.

Соправитель как проект в российской истории имеет не только римские, но и самые что ни на есть отечественные корни: сдача Иоанном Васильевичем всей полноты власти в стране Симеону Бекбулатовичу упоминается в стандартном курсе средней школы, да и Петр Алексеевич частенько баловался временной передачей своих функций приближенным. Как представляется, случай Дмитрия Анатольевича не по этой части. Иван Грозный и Петр Великий ни о какой передаче власти кому бы то ни было всерьез не задумывались, эксперименты проводили демонстративно и нарочито топорно, дабы никто не усомнился. Конституционными же нормами оба они за отсутствием таковых не баловались. Медведев получил власть всерьез, и как он ей распорядился, по большому счету, – его вопрос. Он оказался верен взятым на себя ограничениям – честь ему и хвала. Не многие, в том числе из возможных претендентов на тот же пост (воздержимся от фамилий), в аналогичной ситуации выполнили бы свои обязательства. Последнее вовсе не обязательно было бы хуже для страны, но куда как худо для стандартов поведения политической элиты, и без того далеких от идеала. Бессмысленно гадать, какой оборот приняла бы российская политическая жизнь, если бы на президентских выборах 2012 года Медведев и Путин вступили в честное соревнование. Честное по определению, поскольку оба члена тандема обладали более или менее равными возможностями, а раскол российской элиты в любом случае налично, и чем он обернется, еще большой вопрос. С момента объявления о том, что президент Медведев не будет баллотироваться на второй срок, его группа поддержки умножена на ноль, однако отставка министра финансов Кудрина продемонстрировала, что и соперники «медведевских» далеки от абсолютного торжества. Вариант открытого соревнования между двумя головами властного Тянитолкая был сравнительно понятен его потенциальным участникам. Вариант второго срока президентства Медведева более или менее разыгрывался по ролям. Вариант распределения ролей на третьем сроке президентства Путина казался его команде понятным, но, как выяснилось, многим

лишь казался. Последнее полностью соответствовало его фирменному стилю, при котором любые знаковые назначения или отставки не просчитываются сторонними наблюдателями до самого конца.

Характерным для России как Третьего Рима, вне зависимости от того, выступает страна в тот или иной период своей истории в роли Великого Княжества Московского, Российской империи, СССР или Российской Федерации, являются ее отличие и сходство с предшественниками и делящими то же самое наследство соперниками. Речь о собственно Риме – республике и сменившей ее империи, Втором Риме – Византийской империи и ее наследнице Оттоманской Порте – и Риме Четвертом – Британской империи до ее распада в середине XX века и сегодняшних Соединенных Штатах. Сравнение всех этих стран между собой с последующим детальным анализом результатов – предмет многолетней энциклопедической работы для большого коллектива ученых, на выполнение которой автор не претендует. Искушенного читателя и самого автора плоды этого труда несомненно порадовали бы, однако читателю массовому были бы скучны, как скучна всякая академическая работа для любого, не являющегося фанатиком предмета. Отметим лишь, что упомянутая выше четверка выстраивается в две пары. Запад унаследовал традиции самого Рима с его республиканскими институтами, сохранившими осколки былой власти и функциональный смысл и во времена империи, а также разделением светских и церковных властей. Россия – византийскую бюрократию, при которой граждан уже не существовало – их сменили подданные, институты самоуправления носили формальный характер, а церковь была институтом государства, полностью и целиком ему подконтрольным. Вышесказанное упрощает и примитивизирует тему, но в первом приближении более или менее соответствует действительности. Это влияет на принятую в стране систему власти и ее наследования. Степень взаимной зависимости национального лидера и его окружения – «придворных». Уровень влияния на ситуацию в стране бюрократии. Роль армии и спецслужб. Отношения населения и правящих классов. Совпадение и несовпадение интересов чиновников с землевладельцами и торговым сословием. Принципы взаимодействия государственных институтов с религиозными объединениями, в том числе с православной церковью. И так далее, и так далее, и так далее. Да и сам характер всех этих институтов имеет значительно более глубокие корни, чем принято считать. Отсюда вечный вопрос о том, Европа Россия или все-таки Азия, точнее, является она Евразией или Азиопой. Да и споры относительно того, по дороге ей с Западом или нужно идти другим путем, восходят все к тому же противостоянию Западной и Восточной Римской империи, описанному в последних главах учебника истории 5-го класса средней школы. Хотя, отметим точности ради, не только к ним.

Заметки на полях Правила игры

Политика не делается в белых перчатках. Говоря по правде, ее и чистыми-то руками делают нечасто. И если вы, прикоснувшись к политике, узнаете о себе со страниц газет не только все, что с вами было, но и все, чего не было и быть не могло, – не стоит удивляться. Если любой ваш шаг, все, что с вами и вокруг вас происходит, комментируется предвзято и оскорбительно – таковы правила игры.

Вас будут преследовать те, кому вы мешаете, обращая внимание избирателей на то, что они делают за их счет, утверждая, что действуют не в собственных, а в их интересах. На вас откроют охоту профессиональные бездельники, которые годами дремлют на рабочем месте, полагая, что страна должна быть благодарна им уже за то, что они согласились ею управлять. Вам будут ставить палки в колеса те, кто полагает, что вы являетесь их конкурентом. Они будут говорить о вас гадости знакомым, распространять о вас нелепые и лживые слухи, поддерживать все, что может принести вам вред или просто испортить настроение, замалчивать все, что может сыграть в вашу пользу. И то же самое будут делать их приближенные и их родственники, их подчиненные и их партнеры – люди, которых вы в глаза не видели и которым не сделали ничего плохого.

Придерживаются они правил, принятых в обществе, или ведут себя как уличные хулиганы? Догадайтесь сами. Руководствуются они фактами или создают на пустом месте слухи? А вы как думаете? Знают они, что такое совесть, долг, моральные принципы? Да с чего бы! Кто-то из них называет себя политиком, кто-то – экспертом, кто-то журналистом или главным редактором. На самом деле их работа – удержаться у власти или в окружении тех, кто находится у власти. Как можно дольше высасывать соки из страны. И не пускать в свой круг никого «снаружи», и тем более никого, кто «не вписывается». Если нет опасности извне, они душат друг друга. Но по неписаному правилу объединяются для защиты корпоративной кормушки.

Если вы свой – у вас все будет в порядке. Ваш рейтинг может скатиться до нескольких жалких процентов – и вы будете премьер-министром. Вас может высмеивать вся страна – и вы будете премьер-министром. Вы можете быть нулем без палочки в собственном правительстве – и вы будете премьер-министром.

Вы можете проиграть войну и сказать, что выиграли ее. Можете оставить израильтян беззащитными под градом вражеских ракет и заявить, что они «никогда еще не чувствовали себя в такой безопасности». Можете рисковать жизнью детей и стариков – и продолжать заниматься интригами, призванными сохранить в ваших руках власть. Власть, доставшуюся вам случайно. Власть, которую вы не заслужили. Власть, которой не стоите и которой не умеете распорядиться.

Если вы свой – вы непогрешимы. Вы можете назначить кого хотите, на какой угодно пост – и вам будут петь осанну. Вы можете ставить под удар будущее страны, обещая отдать всю контролируемую Израилем спорную территорию, которую не вы завоевали, не вы обустроили и не вы защищали, человеку, чье будущее еще менее прочно, чем ваше, – и это будут называть «прорывом в мирном процессе». Вы можете балансировать со своей «правлящей коалицией» за гранью падения, и ваши конвульсии преподнесут как уверенный политический курс.

Если у вас есть «классово близкая» газета, телеканал или радиостанция, которые готовы закрыть глаза на все, что вы делаете, и все, что представляете собой на самом деле, они будут работать на вас. Пусть из-за ваших ошибок, самоуверенности, некомпетентности погибли сотни израильтян и ливанцев, многие из которых были мирными

жителями. Пусть вы своими собственными руками разрушили веру в Израиль у миллионов сочувствующих ему во всем мире. Пусть даже преданные друзья и союзники перестали понимать, что именно и во имя чего вы делаете. Но если у вас есть «свои» журналисты или «свой» главный редактор, они будут расчищать вам путь к власти, а ваших возможных оппонентов попытаются утопить. Ссылаясь на демократию, справедливость и интересы избирателей. Вне зависимости от логики, фактов и объективной реальности. Потому что вы – премьер-министр. И потому что для них вы свой. Таковы правила игры.

Но если вы не премьер-министр и не свой, то вы можете быть семи пядей во лбу. Вы можете вывернуться ради своей страны и своих сограждан наизнанку. Все, что о вас напишут, будет: «Интересно, зачем это ему было нужно?» Вы можете неожиданно для недоброжелателей и себя самого оказаться по-настоящему популярным. Все, что по отношению к вам сделают, будет направлено на то, чтобы отодвинуть вас в тень или очернить. Вы можете сколько угодно создавать новое или пытаться починить то, что еще можно спасти, из работающего на страну старого. Все, на что вы можете надеяться, – это серия статей или передач, рисующих вас законченным злодеем.

О вас не будут писать: «Его место в тюрьме, а не в мэрии или парламенте» – это время ушло. Но будут создавать, раздувать, распространять и использовать все мыслимые и немыслимые слухи и сплетни. Будут пользоваться каждым случаем для того, чтобы растиражировать их, пытаясь связать ваше имя не с тем, что вы делаете на самом деле, а с этой пеной из полуправды, намеков и неприкрытой лжи. И делать это будут день за днем, с последовательной увлеченностью, достойной лучшего применения.

Даже если вы сделали для страны что-то, что нельзя не заметить, о чем невозможно не упомянуть и что трудно очернить, к рассказу об этом всегда можно присовокупить коктейль из намеков и ссылок на неназванные источники информации. Понятно, что политики те люди, которыми являются. Что у них такая ментальность, такие привычки и такое видение себя и окружающего мира, какие есть. Такое окружение, такие союзники и такие сочувствующие, какие только и могут быть у людей такого рода. Что газеты, которыми владеют и руководят эти люди, действуют, как умеют. И когда их фантазия истощается, а истории, сшитые на живую нитку, начинают трещать по швам, они скатываются до бульварного уровня желтой прессы. И то, что вся эта «милая компания» действует в соответствии с принятыми в ней правилами игры, не греет ни чью душу.

Глава 2

Три источника и три составные части власти в России

Вспоминая марксизм-ленинизм в вульгаризированной для лучшего употребления советской системой образования форме, отметим, что российская модель управления имеет три источника – они же три составные части. Источниками этими являются: скандинавские (шведские) конунги, чингисиды, которых в отечественной традиции принято называть татаро-монголами, и византийские басилевсы, причем Византия лишь замыкает этот ряд. Хазарские каганы, к сожалению автора, были выбиты из этого соревнования на раннем этапе, из-за не слишком удачной и печально для него закончившейся, но оправданной со стратегической точки зрения операции ярла Хольгера, известного отечественной исторической науке и словесности как Вещий Олег. Окончательно эту тему закрыл Владимир Красно Солнышко, сделавший правильный для своей эпохи и своей страны выбор веры в пользу византийского православия, что на корню уничтожило проблему его возможной подчиненности находившимся на подъеме Халифату или Папскому Риму, открыв возможность предъявления претензий на географически близкое наследство слабевшей Византии. Вздохом о черноморских проливах, которые и через тысячу с лишним лет остались для России близким локтем, который не укусишь. Сорванное октябрём 1917-го соглашение Сайкса-Пико и полумертвая конвенция Монтре – слабое утешение для страны, чья официальная история началась со щита, прибитого к вратам Царьграда.

Возвращаясь к затронутой теме, отметим еще раз, что русская – и российская – государственность на протяжении всего первого периода существования, вне зависимости от того, говорим ли мы о Руси Киевской или Новгородской, имела в качестве основы скандинавов, оседлавших «путь из варяг в греки». Попутно они покорили местные славянские, финно-угорские и балтийские племена, жившие в бассейнах рек, впадавших в Балтийское, Белое, Черное и Каспийское моря, которые представляли собой идеальные водные артерии для торговли и набегов на Византию, Халифат и Персию. Ничем это безобразие от того, что происходило по всей тогдашней Европе, не отличалось, разве что Среднерусскую равнину осваивали шведы, а не норвежцы и датчане, как Британию, Нормандию или Сицилию. Смешанные браки между завоевателями и покоренным населением пошли лишь через несколько поколений, да и в самом деле, какие могут быть браки между тралсами и вестфольдингами. Изначально же русы торговали, к изумлению арабских и еврейских средневековых путешественников, своими подданными вовсю, не стесняясь в рамках рекламы живого товара вести себя так, что вогнали бы в краску их отдаленных потомков, люберецких и солнцевских «быков», – тому есть множество свидетельств, начиная с записок знаменитого Ибн Фадлана. Вполне объяснимо: что еще делать с покоренными аборигенами? При всем том до самого татаро-монгольского (оставим в покое этот устоявшийся, хотя и крайне сомнительный этноним) завоевания местные династии вступали в брачные контакты с европейскими дворами, поскольку состояли с ними в прямом и непосредственном родстве. Запомнившееся автору со школы детское изумление карьерой Ярославны в качестве королевы Франции испарилось по мере понимания того, что ее отец был кровью и плотью от сети контролировавших немалую часть тогдашней Европы потомков скандинавских пиратов. Кому Ярослав Мудрый, кому ярл Яриц-Лейв. Именно поэтому новгородское и псковское вече так напоминает скандинавский тинг, а Новгород до его разгрома войсками Ивана Грозного входил в североевропейскую Ганзу. Средневековые русские княжества были естественной частью Европы и не воспринимались ею в ином качестве, а проблемы религиозных догматов той поры – вопрос не столько русский, сколько греческий и балканский. Пока немалая часть Европы была языческой, христианские ереси множились, а ислам наседали со всех фронтов, было не до выяснения отно-

шений. В итоге открытой конкуренции церковей Восточная Европа вошла в орбиту Константинополя, как Западная – Рима. Что многое определило в последующие века, но не имеет прямого отношения к настоящей книге, хотя позднее мы к этому вернемся. Именно средневековая Русь, которую в отечественных учебниках по причине понятного желания властей предрержащих и чиновников от образования углубить собственную историю, до сих пор называют «Древней Русью», определила первое из направлений, вокруг которых собралась и до сих пор держится страна: с севера на юг. Турецкие и персидские походы русской армии, в итоге которых Россия к концу XIX века «приросла» Причерноморьем и Прикаспием, – не более чем продолжение набегов «северных варваров» тысячелетней давности. Как, впрочем, персидский поход Степана Разина, Балканские войны, а также операция Советской армии в Иране в годы Второй мировой, обеспечившая встречу союзников в Тегеране.

По-настоящему в Евразию территория, ставшая ядром будущей России, вошла с момента ее завоевания войсками Чингисхана, точнее, его сына Батые, о чем в отечественной литературе написано много, хотя лучше трилогии Янчевецкого, более известного как Василий Ян, трудно отыскать до сих пор. На несколько столетий русские княжества оказались частью мировой империи, простиравшейся от Тихого океана до Средиземного моря и от Сибири до Вьетнама. Эта мировая держава рассыпалась и собиралась под другими знаменами, меняла столицы и династии, давала начало новым странам, устойчивым, как индийская империя Моголов, или эфемерным, как среднеазиатское государство Тимура. Именно она определила вторую ось, вокруг которой позже была собрана Российская империя: с запада на восток, вдоль степного коридора, идущего от венгерского Альфельда к Байкалу и Маньчжурии. Ермак и Хабаров, Пржевальский и Скобелев, Невельской и Арсеньев продвигали Россию в Сибирь, Центральную Азию и на Дальний Восток. Маленькое провинциальное княжество на западных рубежах земель Ясы, подминая под себя царство за царством, двигалось в направлении столиц, которым когда-то платило дань: Сарая, Каракорума и Ханбалыка, и в итоге добралось до Тихого, а осваивая великие сибирские реки – и до Северного Ледовитого океана, по пути превратившись в самое большое по площади государство на планете. Отечественная вертикаль власти, не говоря о мозаичности входящих в состав страны территорий, сохранявших свои особенности, местное право и изрядную толику самоуправления провинциальных элит в обмен на лояльность к центру – именно из той эпохи. Отметим – эта система строилась на полном взаимопонимании народа и властей. Что означало: что население платит ясак, а баскаки его собирают, присваивая часть, как полагается баскакам. Когда платить нечем, оплата налога производится сдачей в личную зависимость самого населения, персонально и поголовно, что и легло в основу отечественного крепостного права, укрепившегося на Руси в ту пору, когда в Европе оно как раз собиралось исчезнуть без следа. Что называется: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». За злоупотребления, которые сегодня прошли бы по статье «преступлений против человечности», боярыня Морозова была направлена в острог, но еще литературный Фирс отмену крепостного права полагал «несчастьем». Это к вопросу о корнях скептического отношения российской власти к превращению ее подданных в граждан. Только что они в большинстве своем холопы, подлый люд или, как их именovala классическая русская литература, рабы, за исключением отдельных групп, вроде польской шляхты, евреев или немцев, что многое объясняет в отношении к ним отечественной правящей элиты, которая не может взять в толк, что с этим делать. Или, что не слишком отличается, колхозные крестьяне, городская лимита, интеллигентная прослойка, лишенцы и прочее потенциальное населения ГУЛАГа. И, поди ж ты, вдруг с какого-то момента это граждане с правами человека и претензиями на демократию и прозрачные выборы. Звучит смешно.

У шварцевского дракона было три головы, у отечественного Змея Горыныча тоже, причем третья – самая вредная. В нашем случае речь о Византии, государстве чиновников и царедворцев. Не случайно по сей день в Европе особо хитрые интриги именуют плетением византийских кружев. Бюрократия, доведенная до высшей точки. Система, выжимающая из крестьян, торговцев и ремесленников все соки, оставляя им самую малость, чтобы с голоду не умерли, да и то не всегда. Показная, наглая, беспрецедентная роскошь верхов. Чехарда на троне. Всегда готовые предать и отложиться от империи провинциальные сатрапы, боящиеся только высшего начальства. Показуха перед иностранцами и стравливание соседей. Кругом враги, страна в кольце. Подлость как главная доблесть придворных. Не отравят, так задушат, не задушат, так зарежут. Все не доверяют всем. Главное достоинство армии – чтобы не могла поднять мятеж. Первейшая основа выдвижения – неспособность подсидеть начальство в связи с отсутствием способностей. Как следствие – отрицательная селекция кадров: каждое следующее поколение слабее предыдущего. Вера, превратившаяся в обряды и суеверия, опирающаяся на роскошь храмов и дворцовые интриги. Церковь как департамент государства. Беспрекословная смена ориентиров по команде сверху: сегодня иконоборчество, завтра иконопочитание, с одинаковым изуверством в отношении не успевших или не захотевших перестроиться. Высшие иерархии, в равной мере безразличные к пастве и клиру. Остатки высших военных технологий, вроде греческого огня. Ставка на оборону. Замордованное до последней стадии население, готовое приветствовать любых варваров-завоевателей как освободителей от власти, которая хуже любого врага. Готов, болгар, арабов – все равно. Ничего не напоминает? Именно оттуда – корни современной российской бюрократии. Вечной, неизменной, саморазмножающейся и всепоглощающей. Активной, как лесной пожар, ввиду возможности освоения бюджета. Инертной, как моховое болото при необходимости выдачи результата. На всякий случай душащей в зародыше все, способное подняться выше серой нормы. Речь, к слову, не о «питерских», хотя и о них тоже. Так вот – все это Византия. Империя, которая загнивала и умирала тысячу лет, заражая своим ядом все, что с ней соприкасалось. Граждан там не было, а были чиновники и налогооблагаемая масса, которая, буде налогов платить больше не могла, не имела для государства никакого смысла, как не имеют его для отечественных бюрократов отечественные пенсионеры или инвалиды. Выдели на них бюджет – его освоят с минимальным результатом и для тех, и для других, а так они зачем?

Всеобщее избирательное право, как следствие всеобщей воинской повинности, заставляет власть искать поддержки в гражданских чувствах населения страны и укреплять в нем ощущения того, что оно может не только называться, но и чувствовать себя ее гражданами. На деле представители властных институтов страны относятся к ним так, как относились, хотя и говорят иное. Подданные в их глазах немногим отличаются от траллсов, подъясачных и прочего «подлого люда». Это не хорошо и не плохо – просто реальность, данная населению в ощущениях. Власть как оккупационная система – специфика России во все периоды ее исторического развития. Именно поэтому она и развивает не страну, а в лучшем случае государство, что далеко не одно и то же. Благо крысы в сыре – максимально выесть сыр, а не заботиться о приумножении сыров на полке. Это ее природа. Противостоять природе она не может и не хочет. Стыдить ее бессмысленно, да и борьбу с ней ведут по большей части те же крысы, только пока еще не получившие доступ к сыру, что в полной мере характеризует отношения «Единой России» как правящей партии (с сыром) с парламентской оппозицией, которой сыру не хватило. Для полноты картины, которая получается уж слишком мрачной в части элиты отечественной, отметим, что большинство прочих не лучше, а многие куда хуже, те же, что на первый взгляд выглядят пристойней, имеют большой набор скелетов в собственных шкафах. Российские верхи куда как недотягивают по части самодурств и без-

образий, явных или тайных, до уровня большинства республик бывшего СССР, а по сравнению с африканской, латиноамериканской и азиатской элитой полны благолепия и высоких устремлений. Элита западная при ближайшем рассмотрении немногим лучше, но выработала умение лучше выглядеть и вести себя, по крайней мере, в пределах собственной страны. За границей она уже не та, поскольку нувориши, дети богачей, на которых природа отдохнула, и высокопоставленное чиновное быдло примерно одинаковы во всем мире, вне зависимости от того, представляют они отечественных «братков» в первом поколении или американских бутлегеров и британских джентри в третьем. Лоску больше, за спиной колледж или университет, умение носить смокинг вбито с детства, языки и манеры вбиты в организм на уровне спинного хребта. Поколения через два-три свои будут такими же, затем их дети и живут в Лондоне, Женеве и на Лазурном Берегу.

Правила игры, принятые в западном мире, лучше для населения лишь потому, что отточены двумя с лишним тысячелетиями, на протяжении которых Запад осваивал греческую философию и риторiku в античных полисах. Римское право и римские муниципии. Принцип первого среди равных в варварских королевствах. Конкуренцию церковных и государственных институтов. Городское самоуправление в феодальных коммунах и кодекс ленного права. Правила устройства цехов и гильдий. Автономию университетов и рыцарских орденов. Палаты пэров и палаты общин в парламентах. Права кантонов и бюргерских домов. Церковную реформу и просвещение. Протестантскую трудовую этику. Права меньшинств – религиозных, сексуальных и любых других. Права животных – что немаловажно для снижения общего уровня садизма. Отличие бюргерских государств, в число которых входит большая часть современных демократий западного типа, от их аристократических и олигархических предшественников во многом состоит в умении элиты ограничивать свой произвол, в отсутствие которого элита отправляется населением в пешее эротическое путешествие столь же периодически, сколь неизбежно. Российский опыт несколько иной, однако всеобщая грамотность и память о событиях XX столетия с приличной скоростью приближают отечественное общество к западным образцам. Хочешь жить – умей быть скромным. Конечно, лучше б эволюция шла побыстрее и руководство училось на чужих ошибках, но даже девять женщин не родят младенца за один месяц.

Впрочем, западная система всех и всяческих прав, политкорректности и прочих христианских добродетелей стоит на зыбком фундаменте. Насилие, резня и грабежи в особо крупных масштабах свойственны европейской истории вплоть до новейших времен в такой же, если не в большей, мере, что и любой другой. В чем на самом деле западное сообщество преуспело более прочих, так это в ханжестве. Умение описать самые низкие действия самыми возвышенными словами, апелляция к лучшим чувствам во имя худших целей, адвокатура дьявольских намерений, вопреки божьим заповедям, а то и ссылаясь на них, – изобретение Европы, растиражированное ею во всем мире. Европейцы поделили мир к концу XIX века не потому, что были более цивилизованными, а потому, что овладели лучшей технологией массовых убийств, травливания между собой конкурентов и предательства союзников и сателлитов. Бесхитростная азиатская, африканская и латиноамериканская жестокость ничем не лучше, но она по крайней мере не прикрывает первобытные инстинкты «защитой прав мирного населения», «гуманитарными миссиями» и прочими изобретениями Запада. По-настоящему мы можем оценить масштабы гекатомб в самой Европе или организованных европейцами за ее пределами только с римских времен. Подробности всего, что там происходило до «детей волчицы» с их хрониками, часть которых дошла до наших дней, в большинстве своем скрыты в глубине веков, хотя стоит отметить, что именно римляне впервые поставили организованное насилие в Европе на поток, используя бойню даже для организации досуга. Гладиаторскими играми они греческий театр заменили не зря: организованное зверство, как центр индустрии отдыха и развлечений, имело важное «воспитательное» воз-

действие. Фюрер немецкого народа два тысячелетия спустя знал, что делал, копируя Римскую империю даже в мелочах. Да разве дело в Риме? Средневековое зверство, сотни войн, в том числе религиозных, погромы и Крестовые походы, Конкиста и Реконкиста, дожившая до «просвещенных» времен Священного союза европейских монархий инквизиция, две мировые войны, холокост евреев и геноцид цыган – лишь несколько вех на кровавом пути, который привел потомков и наследников десятков поколений убийц к практикуемому ими сегодня чтению публичных лекций о пользе демократии.

Демократия, как демонстрирует история человечества, перерастает в охлократию легко и без малейших усилий. Любой политик-популист заинтересован в прорыве к власти – себя и своей группы поддержки. Говорить он при этом будет о народном благе и стране – об этом все равно все говорят. Вопрос лишь в том, что будет эта группа делать, придя к власти. Скорее всего то же, что и предыдущая, только с большим нахрапом. Последний царь и вправду не годился никуда и править не умел. Городовые – взяточники и пьяницы, жандармы – не вздохнуть, консервативная элита – бурбон на бурбоне, двор – свора бездельников и фанфаронов. Распутин, две войны, Государственная дума – тошнотворная говорильня мелких провинциальных аферистов и крупных политических авантюристов. Погромы и восстания, стачки и столыпинские галстуки, всеобщие насмешки над церковью. Террористы, безобразия в провинциях, падение нравов и одичание страны. Ксенофобия и всеобщая ненависть при всеобщем же ура-патриотическом вранье. Свергли – стало лучше? Реки крови, Гражданская война, раскулачивание, расказачивание, религия как опиум для народа, Большой Террор, Вторая мировая, послевоенные процессы. «Холодная война», Карибский кризис, гонка вооружений, Афганистан. Диссиденты и КПСС, доставшая население до печени. КГБ, которого боялись все, кроме тех, кто в нем работал. ВПК, съевший все, до чего мог дотянуться в экономике, произведя горы ненужного железа, которое приходится перерабатывать до сих пор. Чернобыль, Сумгаит, хлопковая мафия. Всеобщее вранье, потеря веры, дефицит, воровство, кумовство, черный рынок, блат. Спазматические попытки сохранить власть партии, добровольный самороспуск страны, вспышки гражданских войн на национальных окраинах, терроризм. Коррупция, деградация науки, образования и медицины. Дума – посмешище, позорище и цирк, но уже современный. Дума как часть системы управляемой демократии. Хрен – какой сюрприз! – не слаще редьки. Нувориши, чиновники, президент как гарант. Ручное управление огромной страной – шедевр менеджерской мысли. Все вернулось на круги своя, но какой ценой! И зачем тогда был этот бег по кругу? Как там, в анекдоте про жандарма и революционера: «Что тебе, батюшка-царь мешал пирожками торговать...»

Одно утешение – не мы одни. Толпа всегда и везде поднимает на гребень черт знает кого, на то она и толпа. Мудрость народа – фраза красивая. Особенно в предвыборный период. Народу нравится, лесть приятна и поднимает самооценку необременительно для кармана. Только вот выбирает он всегда на свой же собственный хребет очередного фюрера. Или Савонаролу. На худой конец – Обаму, пустопорожнего популиста правильного политкорректного цвета кожи в хорошо сидящем костюме. Главное, чтобы уверенно держал микрофон. Крепко стоял на ногах. Говорил то, что хочет слышать масса. Все взаимные претензии российской оппозиции и российской власти можно повторить в любой стране. Просто где-то есть клапаны для выпуска пара, и тогда «оккупируй Уолл-стрит» – не оккупируй... Где-то их нет, но крышка у котла держится крепко, и если даже площадь, то Тяньаньмэнь, а потом партия и правительство проработают вопрос и включат компенсационные механизмы. Как сказал товарищ Сталин делегации грузинского базара: «Торгуйте, только тихо». А где-то крышка держится на честном слове, клапанов нет и не предвидится, и в результате площадь называется Тахрир. Не дай Господь увидеть бунт арабского народа, бессмысленный и беспощадный. Но что совершенно точно, вопреки вере интеллектуалов в животворность

демократии как системы – веры искренней, но глупой, нет ничего хуже толпы, реализующей инстинкты. Опьянение свободой проходит быстро, а убитых не вернуть. Сожженные архивы и библиотеки не восстановить. Разграбленные и разгромленные храмы и музеи не передать детям. Да и будет ли кому передавать – в обоих смыслах слова «кому»? Когда в Германии вполне демократическим путем национал-социалисты решали и решили проблемы «понаехавших», а также нацменьшинств, они и не подозревали, что уничтожают в собственной стране фундаментальную науку на поколения вперед. В их понимании они защищали права коренного населения, потесненного «унтерменшами» в сферах престижных занятий. В итоге через 60 с лишним лет после падения Третьего рейха, несмотря на финансовые вливания любых размеров и знаменитую дисциплину, собственных немецких школ фундаментальных наук в Германии нет. Не больше повезло Китаю, уничтожившему и затравившему интеллектуальную элиту страны в годы Культурной революции. Копировать чужое и развивать недобитое – сколько влезет. Привлекать из-за рубежа талантливых за любые деньги – да, вполне. Ну, да и это лучше, чем свое родное, когда и школы пока есть, и люди, и благие намерения начальства проявлены, и деньги выделяются в размерах, достаточных для превращения страны в цветущий сад, а все кругом помойка и помойка и на поверхность всплывает лишь то, что всегда всплывает. Деньги тем временем исчезают в песок, чиновники множатся, как пчелы по весне, и крутится отечественная белка в вечном колесе: работы много, толку – ноль. Дустом их, что ли? Хотя говорят красиво и выглядят не хуже зарубежных. Наверно, им со страной не повезло. Как сказал главный деятель нашей современности: «Вот такой г...ный попался расклад».

Заметки на полях Назад в СССР?

Вопрос последнего времени: претендует ли Россия на то, чтобы играть роль СССР на Ближнем Востоке, и не связаны ли с этим ее действия в Сирии и Иране. Любопытно, что его практически в одной и той же форме задают как те, кто к России относится с крайним подозрением, так и те, кто ностальгирует о былом «величии» СССР. Первые полагают ее наследницей советской «империи зла», подозревая, что она втайне жаждет это зло воскресить, вторые считают сегодняшнее состояние России не закономерным этапом эволюции советской политической машины, а следствием заговора темных сил. Оба случая не из политики, а из медицины. Который тяжелее – сказать сложно, как говаривал по другому случаю товарищ Сталин: «Оба хуже». Ответ на вопрос, хочет ли Россия стать СССР на Ближнем Востоке, – отрицательный. Возвращаться в эпоху миллиардных безвозвратных кредитов и участия в чужих войнах означает рисковать последним, что осталось от Российской империи и СССР, – самой Россией. Никакие амбиции того не стоят. С другой стороны, теоретические морально-политические соображения не заставят сегодняшний российский бизнес, в том числе предприятия ВПК и производителей оборудования для ядерной энергетики, отказаться от контрактов, если только те не запрещены напрямую высшим руководством. В российском истеблишменте доминирует мнение, что внешнее давление на Россию в этой области вызвано соображениями конкуренции и уход отечественных производителей с ближневосточных рынков приведет не к сворачиванию программ, по которым идет сотрудничество с Москвой, а к замещению российских структур французскими, немецкими или китайскими. Высшее руководство России эту позицию озвучивало неоднократно: контроль РФ всего происходящего в чувствительных сферах, где задействованы российские компании, – разумеется, консультации со всеми заинтересованными сторонами – несомненно, внесение корректировок ради сохранения регионального баланса – конечно. Фактически это именно то, что на протяжении десятилетий делают США, сотрудничая с Египтом и Саудовской Аравией, просто у России другой список партнеров.

Иными словами, Россия будет контролировать то, что Иран и Сирия будут делать с российскими технологиями и вооружением, которые будут им поставлены, если эти поставки не противоречат санкциям, к которым Россия присоединилась, но сворачивать с ними сотрудничество не будет. Аргументы «мирового сообщества» тут мало кого убеждают, хотя обеспокоенность Израиля, в отличие от всех прочих заинтересованных сторон, понятна и объяснима. Предложения по учету израильских аргументов были сделаны неоднократно: масштабное сотрудничество Израиля с Россией в оборонной области, на что Россия готова. Некоторые подвижки в этой сфере пошли. Пойдет ли Израиль на это в той мере, которая нужна РФ, и возможно ли это сделать с учетом интересов США – вопрос открытый, но ответить на него может только Иерусалим. Иран для России – сосед и партнер, а не потенциальный противник, хотя сосед проблемный, а партнер нелегкий. Сирия – партнер, имеющий давний опыт сотрудничества. Именно так к ним и относятся. Россия, разумеется, учитывает в первую очередь собственные интересы, но по отношению к Израилю делает это гораздо более доброжелательно, чем страны ЕС. В начале 2000-х она активизировала свою политику – не только на Ближнем Востоке, но и на других направлениях, поскольку стала богаче, почувствовала себя увереннее, решила ряд внутренних проблем и начала определяться с позиционированием во внешнем мире. Политика по сравнению с кризисными 90-ми годами столь же естественная, сколь и неизбежная.

Глава 3

Виват, король, виват!

Система – любая, хоть наша, хоть не наша, – лидеров не выдвигает и терпеть их не может. Лидер ее будоражит, выбивает из летаргического сна, тащит в поход, душит налогом на роскошь, которой она неукоснительно обрастает, гнобит опричниной и призывом в армию и втаскивает на самый верх властной пирамиды обязанных ему лично худородных и мелкопоместных, находящихся вне коллективных рамок и не обязанных придерживаться прежних договоренностей. Александр, Цезарь, Атилла. Ашока, Чингисхан, Тимур. Петр, Рузвельт, Каддафи. Легенды о великих куда как хороши. Ты при них сам поживи – и выживи. Устоявшаяся система предпочитает выдвинутых из собственной среды. Средних, серых мышек, которые блюдут стабильность и сами же ее олицетворяют. Мечта аппарата. Чтобы вся власть и, желательно, все деньги у него, а вся ответственность и все проблемы – у кого-нибудь другого. При этом главный на Западе – первый среди равных, сменяем по ротации, и его прихлебатели имеют строго отмеченный срок пребывания у власти. Потом придет другая гопота, которая не сможет зарываться именно потому, что ей отмерен срок и все, что она применит к предшественникам, применит к ней самой. Главный в России – дело другое. Он единственный, самый-самый, гарант всего и общий папа. Снисходительный и милостивый к своим, гроза врага внутреннего и внешнего. Особенно внутреннего. Вся его ближняя бригада расползается по стране, как тесто из гриммовского горшочка, а сказать «горшочек, не вари» он сам не может, поскольку опыта ротации-то нет. Ты вожжи отпустил, а тебя – даже если не как Каддафи или Мубарака, а как Акаева или Тимошенко. Специфика исторического развития, в первом приближении описанная выше. Своего опыта нет. Культура смены власти не выработана, а система боится возмущений, справедливо полагая, что у всех рыло в пуху и от добра добра не ищут. Именно поэтому ярких и нетривиальных эта система по дороге к власти выбивает за парাপет, старательно оберегая себя от исторических фигур. Разве что на фоне вялой, как старая брюква, политической Европы нет-нет да промелькнет отдельно взятый Берлускони. Да практически неразличимый в длинном ряду питерских чиновников 90-х Путин, «встав на крыло», оказался фигурой совершенно не того масштаба, на который рассчитывал хитроумный Улисс, отечественный профессор Мориарти и главный режиссер политического цирка того периода Березовский. Бывает. Не все то умное, что хитрое, даже если оно до поры еще и везучее. На всякого академика найдется изделие под его размер и с винтом.

Однако исключения лишь подтверждают правило. На одного капо ди тутти капи приходится сто сорок евробюрократов. Что до отечественных райских кущ, вокруг одного более или менее яркого немедленно выстраивается своя административно-командная система, которая начинает жить по собственным законам, демпфируя и блокируя все его инициативы и приказы так, как будто их и не было в природе. Как правило, «к телу» информацию она пропускает в сильно искаженном виде, а обратные сигналы гасит. Ее периодические встряхивания находящимся внутри китом, выбивающие то одного, то другого персонажа из этих, мертвой хваткой цепляющихся за носителя верховной власти и материальной благодати морских уток, приводят только к смене караула. К очистке всего организма от панциря из паразитов организм, как правило, не способен, хоть напускай на бояр опричнину, хоть руби головы стрельцам, хоть устраивай Большой Террор. Тем более что новые, как только сожрут старых, займут их место и воспроизведут все их грехи. Интересно жить таракану в бронированной банке, тем более когда он все понимает и про себя, и про банку – спасибо за цитату. Поручения, давай – не давай, затеряются по дороге. Нацпроекты, принимай – не принимай, погаснут в пути. Бюджеты, выделяй – не выделяй, освоят, распилят и скрадут. Послания, произноси –

не произноси, в одно ухо влетят, из другого не вылетят, но в пустоте черепных коробок будут ходить по замкнутым орбитам, подтверждая всесилие энтропии во Вселенной. Модернизация, объявляй – не объявляй, сама собой не сделается, да и делать ее будет кто? Конкретно? Или чисто конкретно? Задернем шторы и представим себе, что мы едем. Модернизировали, модернизировали, да не вымодернизировали. Совершенно неважно, Петр ты, Сталин или Путин. Система у каждого своя, но создавать ее приходится, и только ты ее создашь, тут она тебя – оп-паньки. Однозначно. Ваше Императорское Величество, Хозяин или Национальный лидер, со всем уважением к персоне был, есть и будет до той поры, пока Господь не призовет. Толку что? Так что с точки зрения самоуважения и яркости картинки лидер – это здорово. Перелопачивание страны, обрезание бород и прочих выступающих частей тела, освоение северных и восточных просторов, смена сохи на атомную бомбу и прочие духоподъемные для потомков выжившей части населения предметы. Но с точки зрения эволюционного прогресса не исключено, что и хрен с ним, с лидером. Один прикончил четверть населения, другой треть, а система как была нехороша и негодна ни к дьяволу, так и осталась. Стоило огород городить?

Не в комплимент, но исходя из желания раздать всем сестрам по серьгам: при всей ее неэффективности, бестолковости и вороватости нынешняя отечественная власть властям прежним по кровожадности в подметки не годится – и слава богу. Не в этом ее укор, чуть слышно доносящийся с Болотной и прочих площадей, но скорее в том, что, деградируя в соответствии со всеобщим раздолбайством, никчемностью и неспособностью ответственных лиц, включая высший эшелон, страна вполне способна докатиться до обычного для нее состояния рубки одной частью населения другую в мелкий фарш. Мирная Камбоджа, очаг буддизма и древней цивилизации, при красных кхмерах продемонстрировала, как это бывает. Захолустный Афганистан в 60-х с точки зрения иностранного туризма был чем-то вроде Непала: много конопли, благодушные горцы, вкусная дешевая еда и никакого фанатизма. Несть им числа. Возвращение в первобытное состояние – дело недолгое и не всегда обратимое. Впадение во всеобщее варварство происходит, в том числе, и под самыми привлекательными лозунгами. Свобода, равенство, братство. Долой эксплуататоров. Грабь награбленное. Пересмотрим итоги приватизации. Или как говорили доны в сицилийской мафии: «Грабить грабителей, являющихся грабителями грабителей – не грабеж». Не будем подвергать сомнениям благие намерения консультантов по построению демократии в отдельно взятой стране в условиях несознательного местного населения. Вспомним старую как мир притчу о еврее, курах и раввине. Что там сказал последний персонаж первому, когда, невзирая на неукоснительное воплощение в жизнь рецептов исправления хромавших дел, вроде строительства треугольного курятника, покраски его в зеленый цвет и прочих политехнологий, все куры передохли? «Жаль, у меня так много еще осталось хороших советов». Всегда всем хочется одним рывком – в конец дороги. Не пройдя через наивное детство и юношеские прыщи – в богатую приключениями молодость и зрелую мудрость. По щучьему велению. Цветиком-семицветиком. Трах-тибидох-тух-тух, и волосок из бороды, причем не своей, а Хоттабыча. Но так не было, не бывает и не будет. Посаженное дерево даст урожай, если за ним ухаживать долго и правильно, причем даст его, зараза, непременно не к президентским выборам, а в свой собственный никому не нужный с этой точки зрения черед. Впрочем, у политиков свои законы. Если бы их обещания еще и исполнялись...

Советская система, как со знанием дела шутили в комплексе зданий ЦК КПСС, была однопартийной, но многоподъездной. Кстати, такую же она была и остается на Кубе, во Вьетнаме, в Северной Корее, в Китайской Народной Республике и прочих странах победившей народной демократии. Вне зависимости от того, оставлены там для приличия мелкие безвредные партии для украшения государственного фасада и национальной экологической среды или пространство зачищено под корень, как это было в родном СССР. На первый

взгляд отличие от двухпартийной американской и многопартийных немецкой, британской, французской, израильской, etc. систем налицо. При всем том в реальной жизни оно куда меньше, чем кажется. Природе живого человека единомыслие не свойственно по определению. Люди объединяются в соответствии с симпатиями и антипатиями, интересами и предпочтениями, врагами и союзниками, вне зависимости от того, как это оформлено, формально или неформально. Интересы идеологического и международного отдела вовсе не обязаны совпадать между собой, а тем более с отделами промышленности, сельского хозяйства или, упаси Господь, обороны. Да и внутри отдельно взятого властного лица... Лаврентий Берия как глава НКВД учитывал одно, а как куратор атомного проекта – другое. Что и оказалось в конечном счете главным для Ландау, Королева, Сахарова и прочих Гинзбургов и Гольдманских. Михаил Суслов в качестве главного идеолога страны редко спотыкался о личные или ведомственные интересы Брежнева, Андропова и Устинова, но бывало и такое. Сдержки и противовесы существуют в любой системе, хотя оформлены они всегда по-разному. Публичное перетряхивание грязного белья на праймериз или предвыборных дебатах не очень-то напоминает «схватку бульдогов под ковром», как называл процессы, идущие в отечественных верхах цитируемый на просторах СССР чаще всех прочих его современников Уинстон Черчилль. Но это на первый взгляд. Система конкуренции в ее отечественном исполнении была и во многом остается подлой и отвратительной, но подлее она и отвратительнее западной или нет после скандалов вокруг личной жизни Клинтона, Кацава, Берлускони, Стросс-Кана и персонажей более мелкого калибра сказать уже трудно. Пожалуй, что и нет. В каждой избушке свои за...бушки.

Российская вертикаль власти – пугало Запада со времен диалогов между Папой и Императором, которые, в зависимости от действенности отлучения и наличия на той или иной стороне достаточного числа ландскнехтов, кончались то паломничеством в Каноссу, то взятием наемниками Рима. На протяжении веков европейские соседи привыкли к распространению привилегий Хартии вольности, которую бароны вырвали зубами у Иоанна Безземельного, на сословия, которым все это изначально в страшном сне не полагалось. Привыкли к тому, что благородные сословия подсудны – для начала в рамках их разборок меж собой, а там хоть на Пиночета ордер на арест выдавай. Что канцлер – канцлером, а хозяин в городе бургомистр или мэр. Что парламент – хоть английский, хоть французский, хоть испанские кортесы, может отказать королю в предоставлении бюджета или займа, и король утрется. Современная российская система их коробит, поскольку ее абсолютизм пережил соседей, а Владислав Сурков вынужден выполнять функции Жана Армана дю Плесси де Ришелье и Отто фон Бисмарка во времена, когда указанные персонажи давно отошли в историю. Ну, что поделать – не мы такие, жизнь такая. Российский двуглавый орел, сам от себя отвернувшийся, согласно остроумному замечанию Виктора Шендеровича, как модель государственной власти в полной мере соответствует динамике ее развития. Не нравится – можно не жить в стране, тем более что выезд из нее, несмотря на все претензии к системе, открыт, и весь вопрос только во въезде: кто куда хочет и где кого примут. Тоже не русское изобретение. Ленин в свое время жил в Швейцарии, поскольку жить в России ему было вредно для здоровья, но Чарли Чаплин и Эфраим Кишон жили в Швейцарии по тем же причинам, вопреки эталонному характеру американской и израильской демократии.

Отечественная специфика – две столицы, попеременно выполнявшие роль самого большого провинциального города страны, – тоже не новость. Как правило, столица старая в подобных ситуациях тихо загнивает с той или иной степенью снобизма, варясь в своих амбициях и комплексах, пока новая стремительно развивается и растет. Уникальность российской политической акробатики в том, что нынешние «питерские», оккупировав Москву, принесли в нее не столько шарм, аристократизм и имперский дух, сколько нравы коммунального клоповника, сохранив исконность и посконность, присущие месту, которое они

взялись европеизировать. В итоге получился дезодорант «Ель» из неприличного детского анекдота: «Как будто кто-то под елкой обоср...ся». Этакая людская, настоящая на Достоевском и дополненная инстинктами и инструкциями Третьего отделения, в дивном сочетании с Дикой дивизией, охотнорядцами и еврейским штетлом. Не случайно недобитые в войнах и революциях, недовымершие в блокаду и недопревращенные советской властью в новую человеческую общность жители города на Неве, имеющие отношение к старому Петербургу, демонстративно именуют себя ленинградцами и полагают «питерских» особой ветвью на эволюционном древе. Впрочем, Москва, переварив на протяжении своей истории, как и всякий мегаполис, не одну волну провинциалов, видывала и не такое. В третьем поколении даже самые дикие из живущих в ней персонажей, как правило, неотличимы от предшественников и брюзжат по поводу очередных «понаехавших» ничуть не хуже. Возникший благодаря специфике 2000-х между городом Невского проспекта и городом Арбата постоянный обмен населением – дополнительный фактор развития. На то и питерский приехал, чтобы москвич не дремал. Круговорот людей в природе повышает мобильность, расширяет кругозор и стимулирует рождаемость, не говоря уже о вырабатываемой культуре путешествий, чрезвычайно полезной для такой страны, как Россия, необъятные просторы которой до уровня Канады доводить и доводить.

Дополнительно укрепляет постепенно возникающую ветвистость российской вертикали власти традиционное с советских времен соперничество трех московских площадей и, словно по Рональду Р. Толкиену, двух башен. Расстояние между Старой площадью и площадью Дзержинского, которую нынешнее поколение знает под добрым старым наименованием «Лубянка», намертво сросшимся с жизнью железного Феликса и его наследников, невелико, но разность их потенциалов до самого 1991 г. зашкаливала. Да и армейский центр власти имел собственное видение будущего страны, успешно и не без участия военных превращенной в осажденный лагерь, большая часть науки, промышленности и образования которого была подмята ВПК. Теперь пришли иные времена, и главная задача спецслужб, как, впрочем, и армии, состоит в отсутствии у них возможности устроить путч или иным способом покуситься на власть в обмен на присутствие в рядах губернаторского корпуса, но история отношений трех заклятых единомышленников: Берии, Жукова и Хрущева – недавняя, и помнят ее все. Это же, хотя и несколько в другом разрезе, касается и отношений администрации президента с правительством. Белый дом и Кремль с его стенами из красного кирпича, как воплощение знаменитой трилогии, – это, конечно, сюр, и цветовая гамма у этого сюра, как у кока-колы или знамен Речи Посполитой, но что-то в этом есть. Салат «оливье», как национальная идея. Толкинизм под соусом «провансаль». Правительство и администрация как две башни, причем обе чуть-чуть снесло. Не то чтобы население приветствовало превращение руководящих ведомств в спянную команду, которая занялась бы этим населением, как рыцари короля Артура саксами в период расцвета Круглого стола. Осознание своей скромной роли и жизненного предназначения в качестве мясного и молочного скота служит плохим фундаментом для того, чтобы стадо заботилось о единстве рядов пастушеского коллектива. Однако же, пока паны дерутся, у холопов чубы трещат. И без того не слишком эффективная система пошла вразнос, когда стала мучительно делиться, подобно лабораторной амебе, на две половинки, каждая из которых немедленно попыталась сожрать друга друга. Речь не о тандеме – там все в рамках политеса, но какие страсти бушевали ниже! Какие обвинения и статьи в газетах, доносы и интриги, какие усилия по блокированию чего угодно, исходящего не из социально близкого лагеря... Куда там оппозиции – власть превратилась в легендарного Уробороса из скандинавской мифологии, насмерть вцепившегося в собственный хвост. Понятно, что так же в свое время начиналось и в лучших домах демократического мира, где внешнее благолепие отношений – и то весьма сравнительное – достигнуто по прошествии столетий. Понятно также, что пройди лет сто, по максимуму триста, и

тогдашнюю Россию будут приводить в пример молодым демократиям Африки, когда и если само это понятие не выйдет из моды и не отойдет в архив, как много что до того. Процесс нормален, и все наблюдаемые флуктуации предсказуемы. Терпение и еще раз терпение – все образуется. Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется. Хотя, может, оно и к лучшему, что не придется. Дожили бы строители мирового коммунизма до столетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции – вот было бы им счастье!

Протестные митинги и митинги против протестных митингов зимой 2011/12-го имели поводом несообразности на думских выборах и отсутствие удобоваримого ассортимента на выборах президентских. Публика отказалась считать настоящим выбором появление в качестве спарринг-партнеров действующего премьера набора кандидатов, который был ей предложен. Поединок Чака Норриса с Вициным, Никулиным и Моргуновым в стиле «полный контакт», может быть, и смешон, но не вдохновляет идти на стадион из спортивных соображений – их там просто нет. При этом президентские выборы в России – это по-настоящему важно, а вот насчет парламентских – большой вопрос. Разумеется, за убойные проколы, типа публичных объявлений о том, что договоренность насчет президентских сроков была достигнута давным-давно, а председатель ЦИК – «просто волшебник», надо ставить к пыточному столбу и звать команчей с оборудованием для скальпирования. На худой конец – менять пресс-атташе. Поскольку это лучший способ вытереть об избирателя ноги, объяснив ему, что его номер последний и его тут «не стояло», причем население это осознает именно так и никак иначе, а оно не все состоит из придворных и вовсе не обязано любить начальника, поскольку это «Богом данное начальство». Оно, конечно, может быть, и так, но зачем размазывать так смачно по физиономии? Народ хотел бы уважать себя и вне зависимости, что о нем на самом деле думает власть, когда и если она не только от Бога, но за нее решено еще и проголосовать, имеет смысл не обижать электорат, хотя бы непосредственно перед процессом. В противном случае Государь Император Всероссийский с неожиданной для себя и окружающего мира скоростью рискует оказаться гостем Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Были прецеденты.

Заметки на полях Семиты и антисемиты

Активизация в середине «нулевых» антисемитских групп во внутривнутриполитической сфере России стала притчей во языцех, хотя довольно быстро отошла в историю. При этом обращения в прокуратуру с требованием закрытия еврейских организаций, подкрепленные письмами и статьями откровенно фашистского содержания, подписанными известными людьми, не возымели успеха. Памятная попытка организовать поход «православных патриотов» на Москву была блокирована трезво мыслящими церковными иерархами. Наличие в парламенте депутатов, все беды России видящих в евреях, сионистской «закулисе» и Израиле, – реальность, но погоду там делают отнюдь не они. Бессмысленно спорить: в России есть антисемиты, в российском истеблишменте есть антисемиты и в российском руководстве, в том числе и в его верхних эшелонах, есть антисемиты. Сокрушаться по этому поводу столь же бессмысленно, как и по поводу того, что все мы когда-нибудь умрем. Пока есть евреи – будут антисемиты, и когда евреи закончатся – антисемиты тоже будут. Антисемиты есть и в странах, где евреи живут, и в странах, где евреи когда-то жили, и в странах, где евреев нет и никогда не было. Они не любят евреев, боятся их и борются с ними или теми, кого за них принимают, где могут и как могут. Россия в этом не исключение. В Европе и Америке ситуация не лучше, но антисемитизм там имеет специфические особенности в части мимикрии. Европейский антисемитизм миновал зоологическую стадию, на которой в настоящее время находятся его союзники, радикальные исламисты, идеология которых не случайно получила название «исламофашизма», и перешел на стадию более рафинированную, антиссионистскую. В США антисемитизм считается политически некорректным и ограничен, по преимуществу, сферой личной жизни. Современный же российский – груб, прямолинеен и непосредствен, хотя и сохраняет рудименты иезуитски изоциренной идеологической составляющей сталинских времен, а ее носители, ветераны государственного антисемитизма, доживают век в рядах «патриотических» партий. При этом скинхеды, «русские фашисты», национал-патриоты и просто националисты всех мастей – отнюдь не итог развития политической жизни страны в «эпоху Путина». Покойный Васильев и «златоуст» Макашов, губернатор Кондратенко и создатель РНЕ Баркашов, не говоря уже об окружении Зюганова и отцах-основателях «Русского дома», – порождение другой эпохи. Они начали свою деятельность при Горбачеве, окрепли, построили разветвленную инфраструктуру и систему собственных СМИ при Ельцине, причем на протяжении всех лет правления последнего Генерального секретаря КПСС и первого президента России их «не замечали».

Как представляется, активность национал-патриотического истеблишмента парадоксальным образом связана не столько с беспредельным усилением и ростом уверенности в себе, сколько с тем, что эта группа столкнулась с тем, что ее деятельность может иметь границы и границы ее пролегают отнюдь не там, где ей бы хотелось. Некоторые из них встретились с законом, а кое-кто даже был осужден. Действующие президенты страны, как второй, так и третий, ясно и недвусмысленно заявили, что не считают их опорой для себя в строительстве новой России. При этом Путин в свойственной ему манере высказался о «провокаторах и дураках». Именно при нем во власти на всех уровнях, включая высшие эшелоны, куда при советской власти допускались только образцово-показательные евреи, последние (наряду с немцами) появились в количестве, определяемом исключительно личными способностями и карьерным везением. Кому – естественная эволюция страны, кому – крушение устоев. Поговорка о том, что страшнее всего загнанная в угол крыса, возникла не на пустом месте. Политический антисемитизм и зоологические антисемиты

опасны не столько для евреев, сколько для страны в целом, вне зависимости от того, занимаются ли они скульптурой, шахматами, телевидением или законодательной деятельностью. Еще более опасны те, кто стоит за ними, «ведая кадрами». Однако их попытки продемонстрировать силу и массовость поддержки своих идей столь отчаянны именно из-за отсутствия у них реальных рычагов воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию в России и осознания слабости в условиях отсутствия поддержки со стороны верховной власти.

Антисемитизм в Российской империи и СССР всегда опирался на поддержку властей, гарантированную «высочайшим соизволением» с самого верха, в России же 90-х гг. – на вседозволенность и равнодушие элиты. Новая система российской власти критикуется, часто справедливо, за многое, однако составной ее частью является открыто отрицательное отношение высшего руководства страны к национал-патриотизму и его антисемитской составляющей. «Путинский» патриотизм в России, совершенно неважно, из прагматических соображений или личностных особенностей «хозяина», занял негативную, иногда – жестко негативную позицию по отношению к погромно-патриотической ксенофобии старого типа, в немалой степени ответственной за распад Российской империи и Советского Союза. Именно это, явно неожиданное для отечественных антисемитов, явление и вызвало в конце первого президентского срока ВВП их активизацию. Судороги эти, скорее всего, не предсмертные, однако не следует принимать их за что-то большее, чем они являются: попытку воскресить призраки прошлого в стране, переставшей быть медвежьим углом Европы и задворками Азии. Бороться с антисемитизмом нужно, равно как необходимо внимательным образом отслеживать его эволюцию и проводить мониторинг текущего состояния дел в сфере межнациональных отношений. Полезно, однако, трезво осознать, что Россия с той историей, которая у нее была, никак не может в одночасье стать страной межнационального консенсуса. Переход же от инфантильной восторженности по поводу «новой России», в стиле «пламенеющих идиотов» из числа «демиизы», к истерике по поводу того, что страна болеет подростковыми болезнями посттоталитарной эпохи, бесполезен, хотя как PR-ход для политиков третьего эшелона и выходящих в тираж журналистов имеет некоторый смысл, относящийся исключительно к их собственной карьере.

Глава 4

Зачем стране ее парламент?

При всем том повторим, рискуя равно обидеть многих достойных и некоторое количество недостойных людей (обе категории присутствуют во всех политических партиях мира – с чего российским быть исключением?): зачем стране парламент, ее населению совершенно не ясно. Как не ясно, что представляют собой на самом деле партии и их лидеры и чем они, помимо попытки присоседиться к власти, синекурам и бюджету, вполне понятной и прости-тельной, но для остальной страны не слишком важной, на самом деле занимаются. Лозунги сливаются. Программы пересекаются. Лица надоели, несимпатичны или не имеют к политике никакого отношения, хотя и украшают спорт, искусство и науку. Одно радует: все как всегда и как везде. Желаящие укорить Думу примером Конгресса США могут справиться в Голливуде, где про свои собственные бревна в глазу давно все снято. «Достопочтенный джентльмен» с Эдди Мэрфи особенно хорош – этого парня у нас любят. Парламент с клоунами, типа костюмированного персонажа из далекого прошлого ЛДПР, внушает так же мало уважения и доверия, как парламент с «быками»-телохранителями и бандитами в качестве депутатов. Но и парламент, единственным достоинством которого стал его расстрел из танков, как альтернатива гражданской войне, которую он самозабвенно провоцировал, играл роль коллективного козла-provokatora, а не собрания отцов народа и достойных мужей, пекущихся о благе этого народа. При всех несообразностях избирательного процесса, он совершенно точно лучше, чем война. Именно память об этом легла в основу сравнительно мягкого роспуска СССР, а также минимально жестокого подавления властью исполнительной бунта власти законодательной в 1993 г. Победители по деловым и человеческим качествам оказались не лучше побежденных, но и те, выйдя на свободу и став губернаторами или мэрами, не продемонстрировали никаких достоинств, кроме клептократии и самодурства. Легко пенять покойному Ельцину, что он несправедливо задавил чистых помыслами Руцкого и Хасбулатова сотоварищи. Он-то их в конечном счете помиловал. Они его, случись тогда им победить, – большой вопрос. Как говорил Уильям Блейк: «Мятеж не может кончиться удачей – в противном случае его зовут иначе». Мировая практика богата примерами того, как народных избранников разгоняют и берут к ногтю, причем все это с равным успехом происходит в странах диких и цивилизованных. Вопрос лишь в том, используется для этого: механизм досрочных выборов, тюрьма или очередь из автомата.

Идеальный парламент должен состоять из высокоморальных профессионалов, не обремененных корыстью и умеющих себя вести. Преданность общему делу и стране приветствуется. Разница во взглядах, интересах и политических платформах не мешает объективно оценивать законодательные инициативы и поступаться личным во имя общенационального. Короче говоря, эти парламентарии честны, умны и подготовлены к тому, чем занимаются. Ну, и много вы знаете таких парламентов? Автор бывал в разных. Знаменитых и малоизвестных. Влияющих на судьбы мира и не интересных никому, кроме жен и детей депутатов. Восточных и западных. Хотите сравнений – извольте. Когда в стране парламентские каникулы – парламент впечатляет. Здания их, как правило, выстроены добротно и со вкусом. Иногда монументальны. Декорированы произведениями искусства. Их интерьер, как правило, представляет собой нечто среднее между собором и дворцом. Но когда парламент заседает... Хорек в курятнике. Пожар в борделе. Крики. Потасовки. Подтасовки. Взаимные обвинения и взаимные оскорбления. Кулуарные договоренности. Битва за микрофон. Фракционная борьба. Межпартийная борьба. Коалиционные договоренности. Покупка и продажа голосов. Интриги. Взятки. Коридоры, полные лоббистов. Немногочисленные дирижеры, кото-

рые знают, что делают, – серые кардиналы, управляющие ордами статистов-депутатов. Господи, спаси этих людей и спаси всех нас от этих людей! Тех, кого раздражает управляемая демократия, в качестве прививки имеет смысл погружать на время в демократию неуправляемую. Очень помогает. Нет спору, что российский парламент ни на что толком не влияет и вообще Россия страна не парламентская, а президентская. Однако же знакомство с реальностями жизни стран с парламентской системой управления, где президенты служат для общего декора и приема местных пионеров, не вдохновляет. Кто может, тот утешится Р.П. Уорреном: «Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать». Старая книга, «Вся королевская рать», но чертовски хорошая. Да и фильм был замечательный.

Приконченное Иваном Грозным вече новгородское периодически с моста метало в Волхов неугодных и зарвавшихся, каковые исправно тонули в этой небольшой, но имеющей большие исторические заслуги перед русским народом и демократией реке, пока дома их грабили всем миром. Погром как форма демократического волеизъявления масс – не русское изобретение, но в Отечестве прижился и был использован все тем же Грозным в рамках политических технологий, известных современникам как опричнина. Впрочем, хотя позднее этот опыт в стране был широко распространен, но из парламентской практики ушел – к удовлетворению депутатов и сожалению остального населения. Последующие боярская Дума и Сенат – органы столь же консультативные, как Шура в монархиях Персидского залива. Надо же, в конце концов, первому лицу с кем-то поговорить, кому-то дать поручения, а на ком-то и сорваться. Дело житейское. Предреволюционная Дума была вполне похожа на парламенты Европы и могла бы стать одним из них, когда бы бедный Николай II способен был на что-нибудь решиться, вместо того чтобы бесконечно «сидеть на заборе», не в силах сделать выбор между охранителями и реформаторами. Ну да, что случилось, то случилось. Советская же власть в части развития конституционного парламентаризма родила идеальную форму при нулевом содержании.

Ответить на вопрос, зачем парламент России, не то трансформирующейся из империи в какое-то новое состояние, не то пытающейся с минимальными потерями восстановить себя в качестве империи, можно лишь теоретически. Референтной группой и самостоятельным органом власти он не стал. Выработкой национального консенсуса не занимается, да похоже, что на это просто не способен. Посредник между властью и народом из него плохой, чтоб не сказать никакой. Законодательная власть из него такая же, как из любого парламента в мире, – то есть плохая. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно пристально оглядеть законы, которые этот парламент принимает. Речь не о «ловле блох», те юридические «блохи», о которых речь, имеют размер не крупного слона. Впрочем, по сравнению с тем, что творилось в этом цирке на конной тяге в 90-е, сегодняшнее положение, когда на него есть хоть какой-то укорот в виде администрации президента, выглядит не так позорно. Скорее речь идет о болезнях роста, хотя и самые почтенные парламенты порою выглядят не лучше, да и законы принимают не более осмысленные, чем парламент российский. Имитационные задачи он выполняет, клапаном для выпуска пара служит – и то спасибо. Многие парламенты не делают и этого. И тут мы вплотную сталкиваемся с таким понятием, как «партия», да простят нас классики марксизма-ленинизма, поскольку именно из партий парламенты по большей мере состоят, и отечественная Дума не исключение. Про партии все представители старого поколения в трудах Маркса, Энгельса и Ленина читали, и некоторые особенно дисциплинированные даже конспектировали. Соответственно, что такой зверь, как партия, в мировой природе в принципе есть, население представляло, и даже знало их названия, которые исправно перечисляли «Правда», «Известия» и телевизионная программа «Время».

Заметки на полях

О номере первом и его альтернативах

Личность бывшего/будущего российского президента вызывает неослабевающий интерес средств массовой информации во всем мире. Вопросов, которые по поводу Путина задает пресса, и ответов, которые она дает достаточно, чтобы нарисовать портрет чрезвычайно противоречивый. Его или неистово ругают, или столь же неистово хвалят, называя то тираном, дуче и воплощением вселенского зла, то новым мессией. Между тем абсолютно бессмысленно искать ответ на вопрос, является ли Путин новым Сталиным, Петром I, Андроповым или русским Наполеоном. Он – сам по себе, и этого более чем достаточно и для него, и для страны, в которой он живет. В том числе, повторим еще раз, потому, что он – первый за тысячу лет российской истории руководитель страны, который пришел к власти не потому, что его предшественник умер, не потому, что того убили, и не потому, что того свергли. Эволюция впечатляющая, хотя статистика такого рода мало что значит для американцев, у которых президент – сорок четвертый, а опыту демократии со всеми ее плюсами и минусами – двести с лишним лет. Для России же, у которой президент четвертый, демократии полтора десятилетия, а верховная власть при жизни действующего главы государства была в 2000 году передана в первый раз, Путин, со всеми его недостатками, неизбежно присущими живому человеку, и заевшимся несменяемым окружением, находка, и находка удачная.

Ругать современную российскую систему есть за что, как и любую государственную бюрократию. Одни российские ведомства разложились во времена Ельцина, другие унаследовали традиции эпохи Брежнева, некоторые как создавались Сталиным и Вышинским, так и остались заповедниками той эпохи. Однако, как представляется из опыта общения автора не только с отечественной, но и с иностранной, а также международной бюрократией, система эта при любом «хозяине», может быть, и была бы более эффективной, чем сегодняшняя, но вряд ли была бы лучшей для страны и ее населения. Нет никаких свидетельств того, что кто-то из претендентов на место президента России был бы лучшим президентом, чем те, кого страна имеет. Альтернативой усилению роли государства для любого человека, который возглавил бы страну после Ельцина, был ее распад, в российских реалиях – отнюдь не «бархатный». Именно это могло быть следствием таких шагов региональных лидеров, как попытка перехода на альтернативные русскому алфавиты в «национальных регионах», памятная по Татарстану, создание крупных экономических блоков, вводящих экономические границы с соседями, и переход на расчетные средства, альтернативные рублю, как это чуть не произошло с «уральским франком». Распад СССР мало кто из его бывших граждан, помимо лидеров образовавшихся на его территории стран, считает большим достижением, распад же России и вовсе обещал стать катастрофой. Этот вопрос больше не стоит на повестке дня – малая цена за «несвободу» губернаторов и местных президентов, потерявших возможность выкроить себе страну из подведомственного региона. Подъем экономики способствовал снижению местного сепаратизма. Разумеется, экономика России стала заложницей углеводородного экспорта, а стабилизационный фонд и золотовалютные резервы можно было использовать не только для отдачи внешних долгов и реализации амбициозных, затратных, но малоосмысленных имиджевых проектов, вроде Олимпийских игр в Сочи или саммита АТЭС во Владивостоке. Было бы поистине замечательно, если бы переход на инновационные рельсы осуществлялся на самом деле, а не в виде деклараций и строительства «потемкинских деревень», за которыми стоит банальное разворовывание бюджетных средств в особо крупных размерах. Ключевой для будущего России вопрос – удастся ли сохранить науку и высшее образование –

зависит не только от того, сколько им будет выделено денег, но и от того, как эти деньги будут использованы. Повторим справедливости ради, что экономическая стабильность, которая позволила создать те самые фонды и резервы, о нерациональном использовании которых сегодня говорят экономисты, наступила именно при Путине.

Предсказуемый и не конфликтующий с исполнительной властью парламент плох с точки зрения зрелой демократии, но хорош для того, чтобы решиться на одобрение законов, необходимых для того, чтобы безо всякой революции разрешить продажу земли и провести либерализацию валютного законодательства. Парламент, действия которого не приводят к танковой стрельбе в центре столицы, вообще хорош для любого государства, кроме страны, управляемой военной хунтой латиноамериканского типа или каннибалом типа Бокасса и Амина, в чем, кажется, Россию еще не обвиняли даже самые пристрастные комментаторы. Что же касается того, способен ли любой парламент, избираемый любым способом, предстать перед собственными гражданами в каком-либо другом облике, кроме паноптикума, наполненного болтливыми самовлюбленными эгоистами, верится с трудом. Российская Дума совсем неплохо смотрится не только на тайваньском фоне, да и от Кнессета ее отличает немного...

В российской управленческой команде, которую можно назвать поколением Путина, есть разные люди. Не все они любят друг друга, как индивидуально, так и в коллективном качестве. Далеко не все – профессионалы, преданные делу ради дела, а не ради торжества собственных или групповых интересов. Некоторое число профессионалов в этой команде есть, и кое-кто из них мог бы украсить элиту любой страны. Отличительная черта их шефа: Путин, вне зависимости от того, президент он или премьер-министр, с трудом расстается со своими людьми. Даже едва терпя некоторых из них, он, как правило, терпит их бесконечно долго. Особенность эта не слишком помогает делу, хотя полезна для атмосферы коллективной работы, убирая сиюминутную суету и кадровую чехарду, которой славились 90-е. Нельзя не отметить при этом, что и в правительстве, и в администрации президента, и в числе губернаторов есть люди всех национальностей: русские националисты соседствуют с евреями, немцами и другими «нацменами». Их национальность никого в России не волнует, впервые с краткого периода, уместившегося между концом Гражданской войны и началом сталинской национальной политики. Впрочем, в упомянутые времена важным было социальное происхождение, которое сегодня никого не волнует тем более. Несомненно, тот простой факт, что в России все чиновники и политики – бизнесмены, является основой для злоупотреблений. Он же, однако, является лучшей гарантией отсутствия в обозримом будущем перспектив для революционных потрясений, последствия которых, как хорошо известно, куда хуже любых начальственных злодейств. Передел собственности возможен, отмена – нет. Борцам за чистоту идеи от этого не лучше, но компартия, как претендент на власть, в России при Путине скончалась, и в большой мере это было сделано усилиями его команды. Кому – мелочь, но тем, кто внимательно следил за ее эволюцией в 90-е годы, – большой подарок.

Путин – несомненный прагматик, в первую очередь в вопросах экономики и международной политики, контактен, терпелив и легко завязывает отношения – деловые и человеческие. Последним помогает то, что у него нормальная семья и, в отличие от его предшественников, члены его семьи не являются «игроками» российского политического поля. Россия для него – часть современного мира, включающего Запад как ее партнера, с которым могут быть разногласия, но нет несовместимости. При этом он предпочитает поддерживать реальный суверенитет, основанный на свободе рук в завязывании любых международных контактов или альянсов, и в этом мало отличается от любого руководителя крупной страны. Путин готов уступать в случае необходимости, хотя может стоять до последнего (как в Чечне), мириться с поражениями и налаживать отношения со своими

недоброжелателями, если это необходимо для дела (как на Украине), и спорить с союзниками, не порывая с ними (как с США из-за Ирака или Сирии). Чего он не может – общаться спокойно с недоброжелательно настроенной прессой. Впрочем, в России его находящиеся на грани фола, а иногда и переходящие ее ответы журналистам большую часть избирателей устраивают. Следует отметить, впрочем, что выдержка в общении с прессой, доведенная до британского уровня, является редкостью не только в России. Судя по блистательным репортажам язвительного Андрея Колесникова, публикуемым в умеренно оппозиционном «Коммерсанте», Путин часто опаздывает на протокольные мероприятия и приемы. Однако по сравнению с тем, какие чудеса происходили на публике с первым президентом России, он ведет себя достойно и профессионально – немало для первого лица страны, по поведению которого судят о ней и ее жителях. Возможно, на это влияет пристрастие к здоровому образу жизни. На протяжении десятилетий жители России привыкли обо-жествлять или стесняться своих руководителей. Путин не слишком озабочен анекдотами о себе, хотя явно не является небожителем. Интернет-сайт «Владимир Владимирович. ги» свидетельствует о первом, а демонстративный кретинизм деятельности «Идущих вместе» и «Наших» подчеркивает второе.

В вопросах, которые для него по-настоящему принципиальны, Путин ведет себя гораздо жестче, чем Ельцин, на многое просто не обращавший внимания. История его столкновения с олигархами показала, что любое давление на него приводит к результатам, прямо противоположным тем, ради которых это давление предпринималось. Впрочем, о том, чем кончается конфликт больших денег и сильной власти, писал еще Фейхтвангер. История же отношений денег и власти в имперской на протяжении всей своей истории России вряд ли могла подвигнуть любого сколь бы то ни было образованного человека к идее о том, что отношения эти могут внезапно начать соответствовать стандартам бургерских Голландии или Соединенных Штатов Америки. В итоге ряды граждан Израиля и Великобритании пополнили олигархи и топ-менеджеры мирового уровня, а государственный и окологосударственный телевизионный эфир в России чрезвычайно испортился, преисполнившись, в итоге «улучшения» 1-го и 2-го каналов и пердела НТВ, оптимистического идиотизма и поскучев до крайности. Хорошее общероссийское телевидение стало в итоге щепкой, отлетевшей в процессе рубки леса. При всем том частые обвинения в грядущей или уже наступившей диктатуре, звучащие в адрес действующей «вертикали власти», странно звучат, поскольку Интернет, радио и печатные СМИ, которые, по Ленину, как раз и являются «коллективным организатором масс», критикуют кого и что угодно в любой форме.

Обвинения в уничтожении оппозиции, как правой, так и левой, вызывают смешанные чувства. За купирование оппозиции левой нужно скорее поблагодарить, поскольку очередная коммунистическая революция, пусть даже имеющая вождями не Троцкого и Ленина, а существенно более мелких по масштабам усекновения глав Зюганова и Анпилова, Россию могла только окончательно добить. Что же до оппозиции правой, то последовательные приверженцы «яблочного спаса» слишком долго с унылой последовательностью повторяли вслед за язвительно-мрачным лидером: «Все плохо будет, пока власть не получим, тогда и исправим, что можем, если еще не поздно, а как исправить – никому не скажем». На протяжении длительного времени это вызывало у потенциального электората любые желания, кроме желания за них голосовать. Это же касалось и многоглавого дракона СПС, представшего напоследок перед ошалевшими избирателями в предвыборном ролике в виде белого самолета, набитого его сопредседателями и летящего, похоже, в известном каждому русскому человеку направлении, вслед за фанерой, поднявшейся из колхоза имени Рабиндраната Тагора. О кудрявом масоне, «золотом жирафе» и прочих экзотических фигурах умолчим из жалости. Вмешиваться в судьбу такой оппозиции Путину было совершенно

незачем, поскольку ситуация с ней развивалась точно по Шекспиру, сказавшему «чума на оба ваших дома» за четыре столетия до российских выборов. Борис Березовский другого мнения, но в Москве его помнят достаточно хорошо, чтобы именно его участие в борьбе за демократию в России заставило дистанцироваться от этой борьбы всех, у кого еще существует какой-то порог брезгливости. Путин во многом не прав, далеко не во всем хорош и вообще – не мать Тереза и не херувим с белыми крыльями, но если Березовский – против, то всем остальным имеет смысл быть «за».

Глава 5

Партия, дай порулить!

Партии в СССР были хорошие и плохие. Самой хорошей была КПСС, руководящая и направляющая сила советского общества, его авангард и строитель коммунизма в отдельно взятой стране в условиях враждебного окружения. Ленин, Троцкий, Сталин. Хрущев, Брежнев, гонка на лафетах, Горбачев. Отдельные перегибы, культ личности, но в целом – наш рулевой. Ура, товарищи! Решения... – го съезда – в жизнь! Комсомолец – на целину! Приходи ко мне на БАМ... Есть у революции начало, нет у революции конца (музыка Пахмутовой, слова Добронравова). Дедушка Ленин. Правый уклон – левый уклон. Беломорканал – кузница нового человека. Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство. Дома старых большевиков. Спецпайки. Спецраспределители. «Они красят стены в коричневый цвет и пишут на крышах слова» – отдельное спасибо Гребенщикову. КПСС была одна. Как мама и как папа. Как солнце в небе. Как Родина. Как жизнь. В ней состояли самые достойные. Чтобы влиться в ее ряды, нужно было выдержать кандидатский стаж или хотя бы погибнуть в бою. Быть лучшим из лучших. Передовиком труда. Представителем рабочего класса или трудового крестьянства. На худой конец – трудящейся интеллигенции, но это уже плохо и по очень жесткой процентной норме. Иметь правильное классовое происхождение. Правильные взгляды. Рекомендации. Моральный облик. Ни в коем случае не посещать церковь, мечеть и уж тем более синагогу. Не иметь родственников за границей и на оккупированных территориях, или если были, то чтобы в партизанском движении. Или чтоб как Марина Влади, прогрессивная, знаменитая и красивая. Или наследник миллиардера – не у одного Онассиса дочь не замужем. Наконец, в рамках пролетарского интернационализма национальность должна была соответствовать. Меньшинства приветствовались – но не все. Аптекарские дозы репрессированных народов, от балкарцев до немцев, чтобы очень отдельные их представители в партии были, но в целом чтоб духа их там не было – во избежание. Тяжелая битва с евреями, которые, повинувшись врожденной общественной активности, штурмовали партийные ряды, как косяк лосося, идущего на нерест, прет вверх по реке, против течения и логике, беря пережат за пережатом. Компартии союзных республик – клон старшего брата с национальной спецификой, ети ее в качель. Басмаческие курбаши, петлюровские сотники, бывшие беки, князья и остзейские бароны особенно приветствуются при предъявлении справок о рабочей специальности и пролетарском происхождении. Звонишь Толстому, а домработница: «Их сиятельство граф ушли в ЦК». Понятно, почему Ленин был нужен партии исключительно в Мавзолее, но «вечно живой»: без собственного зомби, как ни шамань, такой террариум единомышленников хрен удержишь.

За КПСС, в расписанной по статусам не хуже феодальной советской табели о рангах, шли братские партии стран народной демократии – коммунистические и народно-демократические. Соцлагерь, кроме ревизионистов: Югославии, Албании и прочих, о которых ниже. Сателлиты империи. СЭВ. Варшавский договор. Бараки социалистического лагеря. Часть – сытые. Часть – веселые. Другие – похуже. Курица не птица, Болгария не заграница. Социалистическая немецкая нация на территории ГДР. Немцы ненавидят поляков, венгры – румын, чехи – немцев. Все дружно смотрят сверху вниз на нищих, но героических вьетнамцев. Анекдоты про международный экипаж в космосе. Команда ЦУП: «Накормить собак и ничего руками не трогать». Социалистическое братство народов. В Восточной Европе были такие отдельные пережитки прошлого, как формально многопартийная система. Но были джинсы, кока-кола, батники, эротика и внутрипартийные дискуссии. Был секс, которого в СССР не было ни как индустрии, ни как явления, хотя урологи без работы не оставались и аббревиатуру КВЖД (не путать с Китайской-Восточной железной дорогой) знал каждый. В азиат-

ской части соцлагеря были: бальзам «Звездочка», бальзам «Тигровый глаз», прочая местная медицина, колониальные бунгало, сохранившиеся от японцев и французов, и уникальные технологии бальзамирования вождей – превращение тушки в чучелко. Плюс к вышесказанному Корейская война. Берлинское восстание. Венгерское восстание. Ввод войск в Чехословакию. Победа над Америкой во Вьетнаме. Военное положение в Польше. Хонеккер, Кадар, Живков, Ярузельский. Отдельно взятый Чаушеску. Отдельно взятый Кастро. Зажатый между СССР и КНР, как котлета в сэндвиче, со всей своей Монголией Юмжагин Цеденбал. Советские военные базы. Противостояние двух мировых идеологических систем. Берлинская стена. Железный занавес. Плацдармы в противостоянии сверхдержав и военные базы, в том числе ценнейшие – Камрань и Лурдес. И солнце, которое, что с ним ни делай, каждый вечер уходит на Запад.

Следующая категория включала братские партии стран социалистической ориентации. От сандинистов до «марксистов» Южного Йемена. От Алжира до Афганистана. От Эфиопии до Мозамбика и Анголы. Насер, Асад, Саддам. Каддафи, Ортега, Самора Машел. Партия Баас – отдельно в Сирии, отдельно в Ираке, насмерть ненавидящие друг друга. Нефть, алмазы, плантации. Власть взяли, все у всех тех, у кого хоть что-то было, отобрали, в итоге ничего ни у кого нет. Города ветшают и разваливаются. Коммунальные системы чинить некому, тока нет, солярки нет, машины ржавеют у обочин, корабли у пирсов. Деревня валом прет в город, загаживая все на своем пути до скотского состояния. Особняки и виллы – это только поначалу хорошо, когда вселился. Потом нужно, чтобы кто-то подмел и починил кондиционер. Иностранцев изгнали, иностранные компании ушли, есть хочется. Ничего, кроме стрельбы, в том числе друг по другу, не умеют. Внешний и внутренний враг насаждает, население ждет обещанного изобилия. Идешь к старшим братьям в Москву, записываешься в «свои», говоришь, что будешь строить какой-то их социализм, и получаешь, чего просишь. А также много того, что не просишь. Плотины, заводы, трактора, кредиты. Планирование народного хозяйства, автоматы Калашникова, стипендии студентам. Военных советников, военные базы, военно-техническую помощь. Десятки тысяч собственных врачей, инженеров, летчиков, десантников, нефтяников и моряков. Жен для всех вышеперечисленных категорий будущего государственного и военного истеблишмента – причем не только безо всякого выкупа, но и, что особенно ценно, без родни в соседнем квартале. Социализм шагает по планете. Командировки в экзотические страны. Командировочные в СКВ. Можно привезти машину или двухкассетник. Можно видак и чеки – под «Березку». Стопроцентно проходные докторские диссертации о социалистической ориентации племен пустыни или горных кланов. Иногда, конечно, неувязки. Братские страны соцориентации припоминают друг другу далекое или не столь далекое прошлое. Разобраться, кто кого когда съел, кто когда кого завоевал и кто у кого когда крал коров, коз, жен и прочую мелкотоварную живность, невозможно, да это никого и не интересует. Примиряй – не примиряй, аборигены люди простые и понимают только, что старший брат не хочет помочь прирезать старого врага, хотя как раз выдался очень удачный случай. То есть на самом деле они ничуть не лучше белых колонизаторов, только жмут руки и живут бедно, а чего ради его после этого уважать? Поэтому, если удастся, стороны с помощью советских военных советников, а также кубинских интернационалистов мнут бока друг другу. После чего идут в противоположный лагерь отказываться от социалистической ориентации и просить за это все, что раньше брали у Советского Союза. Ну, или, еще лучше, деньгами, но в тройном размере. Умная теля сосет маток в количестве, с годами возрастающем по экспоненте. «Предать – значит вовремя предвидеть» – не отечественное изобретение.

Кто далее по списку? Братские партии, а также движения и фронты, в том числе революционные, поколение за поколением угнетаемые мировым империализмом и феодально-капиталистическими кругами местных сателлитов. Сэм Нуйома, Роберт Мугабе и

прочая пятая колонна лагеря социализма в тылах идеологического противника. Свободу Нельсону Манделе! Свободу Луису Корвалану! Конечно, Арафат бандит, но как целуется! АНК, ООП, Свапо. «Партизанен, ставайтесь, ви окружены!» Нет режиму апартеида. Встал сегодня утром рано... Кто-то из них вышел в президенты и премьеры. Кто-то – нет. Большинство оказалось не лучше тех, кого они свергали. Многие – хуже. Криминал, трайбализм, коррупция, зверство – но под красивыми лозунгами. Не белые против черных, а коса против зулусов. Одно радует: не мы одни были такими идиотами. Пример – Либерия, страна резни и поголовной нищеты. Самое старое демократическое государство в Африке, созданное наивными белыми идеалистами для освобожденных из рабства черных братьев. На дворе – XIX век. В Европе и Азии – сплошные монархии. В Африке – колонии, племенные царьки или местные феодалы. И – самое прогрессивное государство на планете, США, строит образец рая на Земле для тех, вину перед кем остро ощущает. Подите-ка, братья и сестры, с наших хлопковых плантаций ко всем чертям обратно в свою Африку и обретите там свободу, и демократию, и права человека, и десять заповедей Христовых... Впрочем, права человека – это позже. Но счастливый конец истории отложен до сих пор. Жили они долго и чрезвычайно несчастливо, и если и не померли в один день, то сделали все возможное, чтобы его приблизить для максимального числа своих братьев и сестер. Причем так, чтоб те побольше мучились. Местное развлечение – надеть на человека автошину и спалить его живьем. Ну и, конечно, угнетателей под корень. Погромы арабов на Занзибаре и индусов по всей Восточной Африке. Диктатура уличных хулиганов «цоци» в ЮАР, где бандитизм – это профессия, а главный взнос новой власти в культурную копилку человечества – истощно-тошнотворный вой «вувузел», напоминающих о чертях в аду. Призыв «Убей бура» как хит сезона. Уничтожение белых фермеров в бывшей изобильной Родезии – месть угнетенных угнетателям, в результате которой в стране наступила разруха и начался голод, о котором ни в какие времена апартеида и не слыхивали.

Что там еще в итоге торжества революционных масс? Ребенок как средство от СПИДа – если его изнасиловывает больной, число которых зашкаливает в Африке. Детская проституция как норма. Колдуны, охотящиеся на альбиносов, из которых они готовят зелья и лекарства. Браконьеры с армейским вооружением, выбивающие все, что окажется на мушке, на мясо, шкуры, бивни и рога. Военные хунты. Партизаны и наркоторговцы – не менее жестокие, чем военные. Дети-солдаты и дети-убийцы – от бразильских фавел до джунглей Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Тысячи и десятки тысяч: малолетки с пистолетами, подростки с автоматическим оружием. Беспредельно жестокие, не имеющие никаких тормозов. Какой Достоевский, когда этот ребенок тебя медленно режет на куски, не проливая той слезинки, к которой патетически взывал классик? Какие конвенции, какие правила ведения войны? Работоторговля – кое-где открыто. Массовые изнасилования и садизм как норма жизни. Канныализм как во времена заметок Марка Твена о Бельгийском Конго. А почему, собственно, обезьяна – это мясо, а пигмей нет? Выжимание индейцев из Амазонии, о котором мировая пресса пишет, и из всех прочих мест, о котором не пишет никто. Разграбление древностей – везде, где они есть. Превращение заповедников в рудники, плантации и лесные вырубки. Нелегальная эмиграция со всей Африки на юг, где есть еда и, может быть, работа. Правда, идти нужно через национальные парки, поэтому для прикорма львов нужно брать с собой побольше детей – не обязательно своих. Геноцид в масштабах, сопоставимых только со Второй мировой войной. Кого бы в мире это волновало... Очень правильные слова сказал русский детский писатель Корней Чуковский, введенный в литературу еврейским журналистом и политическим деятелем Зеэвом Жаботинским: «Не ходите дети в Африку гулять». А также: «Этого – воинам, этого – женщинам, а этого мы есть не будем, я с ним в «Патриса Лумумбы» учился». Что с дикарем ни делай, дикарем он и останется. Хотя партию создаст,

к власти ее приведет и всех окружающих в крови утопит. Наших бы теоретиков, радетелей торжества интернационализма и борцов за деколонизацию воскресить, кто помер, а также собрать, кто еще жив, и во все места торжества их идей и практической работы отправить на проживание. Без семей – детей жалко. И ненаших теоретиков – тоже. Ибо всякое зло наказуемо должно быть, даже если совершено оно по тупости, догматизму и неспособности осознать, как на самом деле мир устроен. Не случайно в Нигерии нашим металлургам в 80-х откровенно говорили, что, по местным критериям, есть черные, белые и русские. И если кто-то думает, что это комплимент, – пусть так думать перестанет. Это не комплимент. Многие в России ностальгируют по этому кровавому болоту, приговаривая: «Нас тогда уважали». Их не уважали. Их выжимали и доили, подставляя, где только возможно. Но этого они понять уже не могут.

Отдельная категория – дружественные партии стран третьего мира, особенно входивших в Движение неприсоединения. Классический пример – ИНК. Индийский национальный конгресс, разумеется, был партией по шкале марксизма-ленинизма весьма далекой от канона, не то что многочисленные индийские компартии, но зато правящей. Тем более что правил он в такой стране, как Индия, при советской помощи способной балансировать Китай, с которым отношения развалились в те же годы, когда с Индией они наладились. Коммунистические партии работали на уровне отдельных штатов, шансов на власть на федеральном уровне не имели и, как и компартия Непала, находились под сильным влиянием маоистской идеологии. Так что ИНК прощалась и буржуазность лидеров, и многоукладность экономики, и сохранявшиеся прочные связи с Западом, и британские парламентские традиции. Индия, десятилетиями управляемая кланом Ганди – Неру, была наследственной монархией в демократической упаковке, что в конечном счете и послужило основной причиной стагнации системы и конца монополии ИНК на власть. Но кого бы это волновало. Вообще говоря, прагматизм советской власти парадоксально сочетался с догматизмом советской идеологии. Иезуитской тонкости формулировок и дозированной с блестящим расчетом внутренней пропаганде могли сопутствовать выбросы адреналина, производимые с медвежьей грациозностью. Возможно, это было следствием интриг, забытых за давностью времени. Как говорят новые хозяева этих старых коридоров: «Главное – завести коллегу на минное поле, а там он и сам справится». Или борьбы давно забытых фракций. Или особенностей характера – в конце концов, Хрущева никто не заставлял устраивать в ООН скандалы, память о которых сохранилась на протяжении более полувека и, скорее всего, останется до тех пор, пока об этой организации в России кто-то будет помнить. Как бы то ни было, Движение неприсоединения было ценнейшим стратегическим партнером, ссориться с которым было себе дороже, тем более что никаких ресурсов на его подчинение не существовало в природе. История отношений с Югославией во времена Тито это показала более чем ясно. Поэтому и правящие партии, входившие в упомянутую категорию стран, могли рассчитывать со стороны Москвы на высший политес, без фамильярности, которую можно было применить к клиентам поплоше. Союзники – не союзники, но партнеры, причем стратегические, что иногда важнее. Как показала практика, подход был верен. Во всяком случае, Индия советские долги Москве вернула – едва ли не единственная из всех, несмотря на то что происходило это уже после того, как были убиты и Индира, и Раджив Ганди. Кто бы еще так поступил из нескольких десятков африканских, азиатских и латиноамериканских государств, на территории которых безвозвратно утонуло около 160 миллиардов долларов долгов и примерно на 100 – имущества... Да и расчеты по долгам и взаимным обязательствам России с Восточной Европой в 90-е вызывают больше вопросов, чем оптимизма. Однако, говоря об опыте партийного строительства, подчеркнем, что внутренняя жизнь всех приведенных выше партий и движений была известна лишь специалистам и в профессиональных академических работах (у записок в ЦК был свой стиль) описывалась ими исключительно

в стиле оруэлловского новояза – во избежание проблем с контролирующими органами. Так что толку от этих знаний для современного российского партстроительства немного.

И, наконец, в советские времена существовала трудно характеризуемая словами, не описывающими деятельность ОПГ и террористических группировок, категория прогрессивных движений. Вся эта малопочтенная и принципиально не способная к какой-либо дисциплине криминальная шваль поддерживалась не материально – она того не стоила, но морально, по принципу «враг моего врага». Или вследствие лоббирования кого-то посерьезней, чем они сами. Или про запас, на случай, если вдруг надо будет позвонить кому-нибудь из тех, с кем напрямую контактировать – себя не уважать, а дело требует. Впрочем, у некоторых из них дисциплина была на зависть, только цели были исключительно собственные, договоренности временные, зато интересы постоянные. Вроде «Аль-Каиды», создание которой в годы советской оккупации Афганистана на свою голову поддерживали США и спонсировали монархии Аравийского полуострова, или палестинского ХАМАСа и ливанской Хезболлы – осколков прогрессивных движений, пригретых МИД РФ уже в 2000-е годы. Затрат на них было немного. Толку, правда, тоже было ноль, хотя иллюзию информированности и наличия связей они давали. Да и «соседям» МИДа в случае чего было где разжиться агентурой. Хоть «ближним», хоть «дальним», вспоминая терминологию советских времен. Как говорят ветераны ЦРУ, знающие всем им цену не хуже ветеранов СВР: «У каждого свой сукин сын».

К категории партий плохих в советское время относились партии буржуазно-националистические, буржуазно-социалистические, буржуазно-демократические и просто буржуазные, а также ревизионистские, вроде Компартии Китая. Партии-ревизионисты когда-то были хорошими, а некоторые даже входили во вторую или третью категорию, сразу после КПСС, но пошли на сговор и предали идеалы. Или сначала предали, а потом пошли на сговор. Или не пошли на сговор, но предали и превратились из дружественных или даже братских черт знает во что. Вообще-то в этот список дружбы, братства и партийной любви входили иногда такие монстры, что объяснить их присутствие там можно было только с большой натяжкой, а иногда и вовсе нечем. В последнем случае люстрации подвергались архивы и библиотечные подшивки. Оправдать братские отношения Коммунистической партии Советского Союза и Национал-социалистической партии Германии, как и менее известное, но не менее активное сотрудничество с Муссолини, было нечем. Очевидцы были перебиты в лагерях, погибли в войну или молчали для своей же пользы. Гитлер и Геббельс покончили самоубийством. Гиммлер, Геринг, Муссолини и многие калибром поменьше были казнены. Гесс сидел. Молотову некому было напоминать о его пакте с Риббентропом. Мюллер и Борман исчезли. Берию арестовали и казнили как врага народа. Население Советского Союза, в отличие от населения Третьего рейха, закон не защищал – оно знало цену своим законам и своим законникам. Что вспоминать? Сотрудничество НКВД и Гестапо? Советско-немецкий парад в Белостоке? Война списала все. Опять-таки, не мы одни. Нейтральные Швеция и Швейцария, а также объявившие весной 1945-го войну Германии «присоседившиеся» к победителям, от Аргентины до Саудовской Аравии, были битком набиты бывшими фашистами. Это же можно было сказать и о США, пристроивших немало профессионалов, которые, за отсутствием в мире живого национального лидера, как, собственно, и переводится немецкое «фюрер», искали себе место под солнцем. Опыт нацистской пропаганды и партийной дисциплины был востребован – в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Но в СССР и унаследовавшей советское отношение к войне и Победе России, в отличие от бывшей Советской Прибалтики и в какой-то мере Украины, прямые параллели населением воспринимались плохо. Хотя в начале 2000-х на отечественных книжных лотках «Майн кампф» и прочей продукции такого рода было столько, как будто в свое время Вермахт взял Москву и Сталинград, а не Красная армия – Берлин.

Как бы то ни было, в советские времена самой плохой партией в мире, поджигателем войны, агрессором и ястребом была Республиканская партия Соединенных Штатов. Если бы в СССР толкиеновскую трилогию перевели и издали до того, как в конце 80-х началась агония системы, ее можно было бы назвать Сауроном мировой партийной иерархии, точно так же, как сами США вполне тянули на Мордор. Голдуотер, Маккарти, Рейган. Преследующие прогрессивную интеллигенцию. Тянувшие кровавые руки к арабской нефти. Душащие маленькую, но гордую Компартию США. Свободу Анджеле Дэвис. Гэса Холла в президенты. Американские демократы были немногим лучше, но по уровню заведомой гнусности помыслов и дел до республиканцев как-то недотягивали. Опять-таки, Рузвельт был в войну союзником и организовал ленд-лиз, хотя тянул с открытием второго фронта. Да и Кеннеди был демократом, а также католиком, интимным другом обожаемой всем половозрелым мужским населением СССР Мэрилин Монро, и его убили. Поэтому политическим Саруманом были не они, а КПК, тем более что ее статус бывшего лучшего друга и опоры прогрессивного человечества как нельзя лучше под это определение подходил. Цитатник Мао, Культурная революция, хунвейбины (очень удачное название), дацзыбао, Даманский, «банда четырех». Хотя Дэн Сяопин и некоторое воспоминание о временах, когда «русский с китайцем – братья навек». В Европе выделялись злобной ненавистью ко всему прогрессивному британские тори, немецкие христианские демократы и прочая капиталистическая армада. Черчилль, Тэтчер, Аденауэр и прочий Герман Коль. Враги, но уважаемые. С возможностью диалога и разрядки. Где-то на периферии сознания присутствовали сионистские партии Израиля – худшие из всех буржуазно-националистических. Компартия там была еще ничего, и в ней был какой-то «товарищ Меир Вильнер», но в целом – «как мать говорю и как женщина».

В общем, не понимание того, что такое политика, какое место в ней занимают партии и партийные лидеры и тем более не осознание их зависимости от электората и умение этой зависимостью пользоваться, а заповедник гоблинов. Девственный идеализм низов, граничащий с идиотизмом, при прогрессирующем цинизме низовых эшелонов будущих верхов, использующих партии исключительно как инструмент попадания имярека во власть, с последующим ее удержанием мертвой хваткой и эксплуатацией, пока из горла не полезет, вне зависимости от личных убеждений и групповых интересов. Идеалистов в 90-е в российской политике было немало, но в столкновении с реальностью они вымерли как мамонты или приспособились, примкнув к чьим-то волчьим стаям или создав собственные. В итоге сегодняшние партии России принадлежат к широко распространенному в мире типу лидерских, или вождистских. Как следствие, не столь важно, что КППРФ является осколком КПСС, бывшей ленинской «партии нового типа», которая к распаду СССР была партией дряхлой и не способной ни на какое обновление. Как хорошо известно, после самороспуска страны наиболее дееспособная часть Компартии взяла власть по всему бывшему постсоветскому пространству и кое-кто из бывших членов Политбюро сохранили ее до сих пор. Кое-где они передали ее представителям КГБ, МВД или своим детям. В некоторых случаях власть перехватило ближайшее окружение. Или персонажи, обладавшие природным лидерским потенциалом, сумевшие найти опору в тех же силовиках или местных криминальных кланах. В отдельных случаях – креатуры «вашингтонского обкома». Все прочее, до власти не добравшееся и к дележу ресурсов не допущенное, образовало целый ряд мелких и крупных клонов КПСС, теоретическая база и практическая деятельность которых так же похожи на марксизм, как трактор «Кировец» на балет «Красный мак». Отличаются они мало. Практически всем им, хотя и в разной степени, присущ махровый национализм, граничащий в своих крайних проявлениях с откровенным фашизмом, показное православие, примитивизированное до уровня улицы, погромная риторика и полное отсутствие логики, подменяемой открытым нахрапом и скрытым конформизмом.

В качестве партии рабочих и крестьян КПРФ выглядит забавно. В реальности она может претендовать разве что на роль выразителя интересов обойденных новым временем представителей бывшей советской элиты низшего и среднего уровней. Отметим справедливости ради, что в их рядах затесалось и несколько вполне приличных людей, чья ностальгия по советской власти не нашла другого выхода. Бывает. Вопрос лишь в том, в какой мере эта партия переживет не только пожилой электорат, но и лидера. Зюганов не имеет в партии равновеликих конкурентов, что означает ее кризис и возможный развал в случае его ухода. Ссылаться на опыт смены поколений в партии-предшественнице, разумеется, можно, но бессмысленно: законы, применимые к партии правящей, причем правящей монополично, работают иначе или вовсе не работают в партии оппозиционной, которой власть не светит ни в каком раскладе. То же самое касается ЛДПР – этого осколка эксперимента по введению многопартийности, проведенного на последнем издыхании советской власти, которой без Жириновского с его энергией и театральностью просто не существует. «Справедливую Россию» можно сколько угодно упрекать в том, что она – проект кремлевский, каковым она на самом деле изначально и являлась, и на некоторых из ее отцов-основателей пробы ставить некуда. Не в том проблема, в свое время в де-факто однопартийных Японии и Мексике многопартийность началась с раздвигая в тамошних партиях власти, что гораздо лучше для страны, чем схема монолитного «чучхэ», принятая в Северной Корее. Очень многие в России, включая автора, не имеют ничего против Миронова и некоторых его однопартийцев, хотя как выдержат «Эсеры» испытание партийной демократией – Бог весть. О Явлинском с его «Яблоком» и проекте Прохорова, как бы он ни назывался, и говорить не стоит – это личные унии. Партия-человек – не российское изобретение. В США это не так, там партия – это огромная система, имеющая сторонников не в одном поколении и заряженная внутренней конкуренцией на всех уровнях. В Великобритании и странах континентальной Европы – это не так по большей мере, хотя Ле Пен и Вилдерс как раз те люди-партии, о которых мы говорили выше. В Израиле система смешанная и партии, возникшие под выборы, вокруг одного или нескольких лидеров, которые вместе с ними могут существовать десятилетия или прожить одну каденцию – не новость. Африка и Ближний Восток – заповедник вождизма, да и в Латинской Америке он широко распространен. Однако и «Единая Россия», сколько ее партий власти ни зови, партия вождистская, как, впрочем, и положено партии власти. Нет Путина – по большому счету, нет и этой партии, как не мог существовать «Наш дом – Россия» без Черномырдина. Период конкуренции с КПРФ она пережила спокойно: старая «партия нового типа» не выдержала напора партий-проектов новейшего типа. Проблема в том, что в качестве аналога обычным партиям западного типа, представляющим интересы не собравшейся вокруг вождя в орлиных перьях или без оных группы лиц, а определенных слоев населения, ЕР явно не состоялась. Причем проблема тут не в уязвленном жесткой критикой внесистемной и системной оппозиции «волшебнике» Чурове, человеке образованном и далеко не худшем для того поста, который занимает, но в системе.

Владимир Путин как Большой Белый Отец из российского Белого дома – это понятно и для нынешнего состояния страны резонно и простительно. Бонапарт или де Голль во Франции, Перон в Аргентине и много кто еще много где еще – аналоги, которые просто напрашиваются. Напрашиваются они, однако, с большой форой и большими комплиментами в пользу действующего российского начальника, к которому претензий в личном качестве на два порядка меньше, чем к указанным и не указанным персонажам. Вопрос, однако, есть. Как кажется, вся чехарда болотно-поклонного стояния на рубеже 2011–2012 годов произошла из-за неспособности действующей политической элиты отстроить удовлетворяющую население систему управления и передачи власти, зависящую не от личностей, а от институтов. Минус такой системы в том, что к власти могут прийти – и приходят люди, не стоящие ни страны, которую стремятся возглавлять, ни задач, которые им приходится решать.

Мелкие, одним словом, люди. Плюс – в том, что они не вечны и долго править им система просто не дает, соответственно, и испортить ее всерьез они не успевают. Как выясняется, переход от «ручного» управления страной к автоматически работающей системе вопрос не только автомобилестроительный. Ну, проживем – увидим. Проблема обозначена. Верхи ее понимают. Низы ее понимают. Революции никто не хочет. Эволюцию хотят все, но никто не понимает, как ее на деле осуществить. Но поскольку лидеры – хоть страны, хоть партий – все равно стареют в соответствии с законами природы, то как-нибудь оно когда-нибудь решится. По-умному или по-глупому – неизвестно никому. Хотелось бы, конечно, чтобы по уму. Но, скорей всего, все выйдет по-дурацки. Закон падающего бутерброда. Сколько масло с хлеба не слизывай, все равно маслом вниз шлепнется и к полу прилипнет.

Заметки на полях Демократия в России

Все мы умрем когда-нибудь – это самое плохое, что с нами может случиться, страна от этого не перестанет существовать. Более того, на том месте, где мы с вами живем, были когда-то другие страны, будут когда-то другие страны. История так сложилась. В России политика часто превращается в эсхатологию: была демократия, есть опасность для демократии, будет опасность для демократии... Да нет ее, потому что той демократии, об опасности для которой с таким надрывом говорят, никакой не было. Была, условно говоря, более или менее доброкачественная, быстро построенная в начале 90-х декорация. Но системы, здания – прочного здания не существовало. Эту декорацию с упоением строили политики праволиберального лагеря. Но зрители востребовали следующий спектакль. На прошлый билеты уже не продавались, и декорация была отправлена на склад. Старых декораций не будет до той поры, пока зрители не купят билеты в достаточном количестве, то есть искомые правыми партиями избиратели не проголосуют за соответствующий спектакль, в котором они будут востребованы. Системы, для этого необходимой, в стране пока что не построилось. Но это, наверное, вина, беда, проблема и задача именно тех людей, которые ее строили. Соответственно, или они научатся ее строить, или ее будут строить другие люди. Интересы, из которых эти люди будут исходить, неизбежно будут не идеалистическими, а прагматичными. Когда строят завод, это происходит не потому, что Владимир Владимирович Путин говорит об удвоении ВВП страны. Есть конкретные проблемы. Проблемы собственности, развития экономики, конкурентоспособности страны, есть, в конце концов, большое желание российских бизнесменов, в том числе проклятых прессой и экспертами олигархов, не краснеть где-нибудь на Женевском озере, говоря соседям по мировой экономике, откуда они родом.

Чем сейчас две группы занимаются – заклеянная экспертным сообществом власть и «как бы демократия»? Под каким лозунгом власть идет брать власть? Она говорит населению – благосостояние, личная безопасность, сильный режим, стабильность. Во внешнем мире: мы – конкурентоспособные, мы перестанем жаться по углам. Слоганы выигрышные: победа, результат, империя, либеральная империя. Человеку хочется чувствовать себя причастным к команде победителей, и никому не хочется чувствовать себя причастным к команде проигравшего, «лузера» со всей этой трагедией, эсхатологией, дикими криками: «Ратуйте, православные!» или: «Ой, взй, куда податься бедному еврею!» Или бедному русскому. Это, конечно, все очень интересно, благородно и прочувствованно, только выиграть с этим нельзя и привлечь сторонников нельзя.

Нельзя выиграть на призыве: «Надо разрушить до основания старую систему, потому что она опасна». Она, может быть, и опасна, но без нее что было? У нас был период, когда никакой системы не было, сейчас возникла. Когда системы нет – хорошо. Свобода, чистый политический воздух, хотя могут ударить по голове в подъезде и взорвать, но в принципе для соловья хорошо – много воздуха и петь никто не мешает. Во втором случае, когда система создается, она не идеальна, как и любая система. Человек нормально себя уже не чувствует, ежится, потому что вокруг его обкладывают, степень свободы урезают, и он чувствует себя под колпаком. Хорошо в этой ситуации только кабанчику под дубом, который тихо грызет свои желуди, не лезет в политику и песен не поет. Но ветчины во втором случае получается все равно больше, хотя эстетически все предпочитают соловья. Поэтому население в основном голосует за второй случай.

В России есть конкретные проблемы на государственном уровне, которые не зависят и не будут зависеть от того, является ли президентом страны Путин или Хакамада. Они

во многом связаны с внешним окружением. Это конкуренция с Китаем, ситуация с Европой, ситуация со Штатами и просто позиционирование себя в окружающем мире, геополитическое и экономическое. При этом никто никакой территории от нас отрезать не будет, это никому не нужно: отрежешь – развивать надо. А так, трубу проложил и качай нефть и газ, и пусть загнивают там, откуда качают, как аборигены на островах Науру, когда у них фосфаты кончились. Если страна модернизируется по-настоящему, она делает что-то нормальное и научится продавать продукцию и идеи, а не собственные мозги в режиме эмиграции. Если научится по результатам работы собственных светлых мозгов давать прибыль, на основании которой система будет функционировать, то распил государственного бюджета перестанет быть единственной целью и задачей, а красивые слова о развитии образования, науки и модернизации – обоснованием для этого распила. Важность того, кто в конечном счете займет тот или другой кабинет в Кремле, какие партии будут существовать – не более чем иллюзия сегодняшнего дня, завтра она изменится. А вот будут или не будут продавать народу землю – это по-настоящему серьезный вопрос. В начале 2000-х ее начали продавать – и это колоссальный позитив. Будут или не будут ограничивать выезд за границу и въезд обратно – это серьезный вопрос. До той поры, пока не начали, шансы на развитие у страны есть.

Оптимизм автора носит стратегический характер, поскольку тактически, в личном плане, для каждого персонально, ситуация вполне может стать в тот или иной момент трагичной: можно разориться или могут «убрать» из бизнеса. «Крышевание» администрациями всех уровней бизнеса на всех уровнях ничего хорошего не несет. Вопрос только в том, заставляют ли вас делиться молоком или режут вашу корову с тем, чтобы потом прийти за следующей, потому что понятно, какие госменеджеры приходят в бизнес «снаружи». Газпром – пример национального масштаба. Когда это происходит в масштабах системы, система становится неконкурентной и в конечном счете погибает. Это проблема. Но что есть формирование российской элиты, если не сращивание сегодняшней власти и бизнеса? Это естественный ход эволюции, в России идет процесс такой же, как он шел в Соединенных Штатах. Просто мы запоздали в своем развитии и идем примерно таким же путем, но со своей спецификой.

Не очень понятны ожидания, что в империи, которая образовалась как империя, жила тысячу лет как империя и унаследовала все то плохое и все то хорошее, что было в предыдущих первых двух Риммах, возникнет почему-то система демократии, которая является порождением бюргерских государств: Голландии, Британии, Соединенных Штатов. Российское общество изначально другое, и поэтому у него ничего не получалось с демократией, парламентом, партиями их типа. Строя систему, у которой нет корней, мы пытаемся построить нечто, не имеющее основы на местной почве. До той поры, пока люди, которым нужна демократия не как символ и платформа для политического туризма, а как конечный результат, не осознают реальность, в которой важны не символы, а сухой остаток, в котором населению будет хорошо жить, результат будет таким же. Бессмысленно пугать сытых, уверенных в будущем и удовлетворенных своим настоящим людей «полицейским государством». Стоит подумать, где лучше жить – в сверхсвободной Гватемале или в абсолютно полицейском Сингапуре. Будут голосовать за Сингапур. Не нравится? Есть возможность подобрать себе другой народ... До той поры, пока демократия не вырастет на местных корнях естественным путем, результат будет таким же. Безусловно, хороши сами по себе в перспективе реальные представительность, демократия и парламент, но до той будущей светлой поры система будет развиваться по своим законам, тем самым, по которым она развивалась предыдущую тысячу лет, что с ней, впрочем, и происходит помимо всех о ее будущем споров.

Глава 6

Зачем страна ее столицам?

Российская специфика – доминирование столиц. Один мегаполис мирового класса и одна бывшая имперская столица – тоже мирового класса, но сильно поношенная, неплохое наследство, полученное от Российской империи и СССР. Поскольку период феодальной раздробленности, когда каждое княжество обустраивало свою столицу собственным дворцом, собором, театром и музеем, в отечественных весях был давно, ожидать в России равномерного распространения урбанизации, как в Германии или Италии, не приходится. Да и просторы этому не соответствуют. География, наряду с историей, многое определяет. Россия за Уралом – что-то вроде Канады, основное население которой сосредоточено на узкой полосе территории у юго-восточной границы с США, и не совсем понятно, с чего ради все это огромное пространство должно быть равномерно заселено и обустроено – да и кем? Аналоги – те же Соединенные Штаты, Бразилия и Аргентина заселены – точно так же неравномерно, хотя отличия от отечественной ситуации есть. Во-первых, почти все, что там есть городского, сосредоточено на побережьях. Во-вторых, если говорить о Соединенных Штатах, то в центральной части этой страны незаселенные просторы сопоставимы с нашими, но ее тихоокеанское побережье заселено и обустроено не в пример России. И в-третьих, если говорить о США и Канаде, которые для России куда более предпочтительный пример обустройства, чем Португалия, которую мы догоняем по доходам на душу населения, эти страны обладают на порядок более развитой дорожной сетью, в том числе в северных районах, вплоть до Аляски и глубинных районов Скалистых гор. Трансокеанское шоссе от Чукотки до Владивостока, в идеальном случае соединенное с японской и китайской дорожными сетями, а в перспективе уходящее на Аляску (что технологически возможно уже сегодня), сильно помогло бы обустройству российского побережья внутренних морей Тихого океана. Пока что это побережье, в отличие от Японии, Китая, США или Канады, представляет собой «пустынный дикий берег», украшенный анклавами Находки, Магадана и Петропавловска-Камчатского. Впрочем, на дату написания настоящей книги и по России невозможно проехать по нормальной современной автостраде ни от Астрахани до Кавказских Минеральных Вод, ни от Смоленска или Брянска до того же Владивостока. Американцам для того, чтобы проложить по стране дороги того уровня, который есть у них сейчас, понадобилась Великая депрессия. Немцам – Гитлер. Итальянцам – Муссолини. Интересно, чего ждем мы? Говорить об этом еще и еще раз – себя не уважать. Бессмысленно, однако, ожидать чего-то нового при сегодняшней цене вопроса в переводе на километр дорожного полотна, даже если демонстративно забыть о его низком качестве, опирающемся на устаревшие еще при советской власти стандарты.

Типичная проблема для страны: вопрос понятен. Деньги есть. Рынок труда. Освоение территорий. Приток населения. Взрывной рост инфраструктуры. Технические проблемы никаких. Есть что строить. Понятно, что нужно строить. Совершенно ясно, откуда и куда строить. Разговоры идут. Но строить никто ничего не будет. Поскольку дело делать, тем более если оно с экономической точки зрения оправдывается не завтра, а при жизни каких-то будущих поколений, – это не наш метод. Это к Столыпину и Витте с их Транссибом, которые в прошлом и позапрошлом веке строили то, что в нынешнем строить то ли разучились, то ли еще не научились. Последнее – о сообщении железнодорожном, поскольку для России сверхскоростное железнодорожное пассажирское сообщение не роскошь, а необходимость. Да и аэропортов это тоже касается, поскольку население привыкло с Севера, из Сибири и с Дальнего Востока в Центральную Россию летать. Состояние дел в российской пассажирской авиации на сегодня – истинное чудо. Имея запасы нефти и газа в таких объемах, как

страна имеет, при таких расстояниях, как те, на которых расположены друг от друга основные городские центры в Зауралье, нельзя не иметь развитого и дешевого авиационного сообщения, включая малую авиацию и частный авиапарк, сравнимого по масштабам с США. При населении страны, равном половине американского даже без учета гастарбайтеров и вахтовиков, самих по себе образующих крупный сегмент рынка, чтобы так развалить налаженную систему, нужно было очень постараться.

Есть подозрения, что страна столицам просто не нужна. Люди, сидящие в офисах газовых и нефтяных компаний, еще как-то нуждаются в трубе, откуда течет благо. Но это вовсе не относится к финансовому блоку, который эти деньги скирдует, часть оставляя про запас на черный день, когда и если он в стране наступит, а другую часть оставляя за границей – на свой черный день. Строить дороги, железные дороги и аэропорты, модернизировать заводы и развивать инфраструктуру дорого, и деньги отобьются черт знает когда. Кроме того, эти деньги не то что могут украсть, но украдут наверняка. И зачем тогда их собирать? Злой Кашей над золотом чахнет. Или, если угодно, не злой, но умеющий считать и никому не верящий Кашей над золотом чахнет. Денег много, на текущие траты хватает, их постепенное растворение на западных счетах происходит медленно и незаметно, а ревизия в масштабах страны произойдет только в случае революции, которую, как сказано выше, никто не хочет. Замкнутый круг. Поэтому, повторим еще раз, вопреки всему декларируемому высоким руководством с высоких трибун, у населения складывается ощущение, что страна столицам не нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.